

ГЕОРГИЙ БРЯНЦЕВ

Военные
В приключения

ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ

Военные приключения (Вече)

Георгий Брянцев
По тонкому льду

«ВЕЧЕ»

1962

Брянцев Г. М.

По тонкому льду / Г. М. Брянцев — «ВЕЧЕ», 1962 — (Военные приключения (Вече))

Роман известного писателя Георгия Брянцева «По тонкому льду» читателю представлять не надо. Этот бестселлер давно завоевал читательскую аудиторию и не один десяток лет является одной из самых популярных книг военных приключений. Автор отлично знает изнутри работу чекистов, а потому описываемые события – не совсем выдумка. Это профессиональный рассказ опытного разведчика.

© Брянцев Г. М., 1962

© ВЕЧЕ, 1962

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Георгий Брянцев

По тонкому льду

© Брянцев Г.М., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Дневник лейтенанта Трапезникова

26 декабря 1938 г.

(понедельник)

Проснулся рано. Не выспался. Разбудил сын Максим. Ему всего четыре года от роду, но сорванец отчаянный. Вооружился хворостинкой от веника и принялся щекотать у меня в ноздре. Хотел дать ему шлепков, но он так заразительно хохотал, что я смилостивился и не стал портить ему настроение.

Умылся и сел писать эти строки.

До начала занятий в управлении – полтора часа. В голове неприятный шум, в затылке тупая ноющая боль. Ее происхождение понятно. Вчера у нас были гости, и мы по-настоящему кутнули. Кутнули по случаю появления на свет тридцать один год назад такого чудесного парня, как мой друг Дмитрий Дмитриевич Брагин.

Стол был хороший: студень, маринованные грибы, жареный гусь. Всякие соленья, винегреты, заливная рыба, творожники и мое любимое блюдо – беляши.

И выпивка была знатная: одна наливка смородиновая чего стоила! От нее-то, видно, и побаливает у меня в затылке. Надо бы, справедливо рассуждая, подлечиться, хватить небольшую чарочку этой самой колдовской наливки, но неудобно. Запах никуда не денешь, а день-то предстоит рабочий.

Короче говоря, небольшой праздник прошел на славу: поели, попили, поплясали, наговорились. Все бы ничего, если бы... не одно «но».

Отмечая юбилей Дмитрия Дмитриевича, или, как привыкли называть его друзья, Дим-Димыча, мы в то же время отметили утрату своего старого друга Геннадия Васильевича Безродного. В этом и заключается «но».

Под словом «утрата» я не имею в виду смерть Геннадия или долгую разлуку с ним. Геннадий жив. Его здоровью может позавидовать любой из нас. Он никуда не уехал. Просто мы вынуждены были вычеркнуть Безродного из списка наших друзей. А сказать точнее – сделал это он сам.

Утрата произошла не вдруг, не сразу. Но вчера стало все предельно ясно: нас было трое – Безродный, Брагин и я. Теперь двое – Брагин и я.

А началось вот с чего. Четыре месяца назад, в конце августа, Геннадия срочно вызвали в Москву. Там он пробыл восемь дней и вернулся обратно в звании старшего лейтенанта. Тут же был отдан приказ о назначении его начальником отдела, в котором восемь дней назад он руководил отделением.

Это было неожиданно для всех, исключая, конечно, руководство управления, без которого такое смелое выдвижение обойтись не могло.

Никто не завидовал Геннадию. Все были удивлены, поражены, озадачены, пытались разгадать причины столь неожиданного выдвижения. Геннадий перемахнул через звание и через должности помощника и заместителя начальника отдела.

Я знал Геннадия десять лет. Точнее, не знал, а знаю. Так правильнее. Не секрет, что каждый человек обладает своим «потолком». Для Геннадия этим «потолком» была должность начальника отделения. В ней он и сидел. И вдруг Геннадий возглавил отдел. Но, как говорится, начальству виднее. Приказы мы имеем право обсуждать лишь в той части, как их лучше выполнять.

Безродный никогда не отличался кипучей энергией, не обладал особой решительностью и предприимчивостью. По служебной лестнице он карабкался медленно, со скрипом: подчи-

нялся чужой воле, редко проявлял инициативу, избегал риска, самостоятельных решений. На его челе нельзя было обнаружить признаков хотя бы потенциального таланта. Главный и, пожалуй, единственный талант Геннадия состоял в том, что он был усидчив, мог много и упорно работать. А вот организовать работу отделения в отсутствие своего заместителя ему не удавалось. Он плохо знал и понимал людей, не мог затронуть их душевных струн.

За последние четыре месяца он разительно переменился. В облике появилась необыкновенная важность. Он сразу как бы поумнел и возвысился в собственном мнении, стал самоуверен.

Долголетняя профессия разведчика выработала у меня твердое убеждение, что изменить походку так же трудно, как изменить, допустим, голос, а вот Геннадий опроверг это убеждение. Он изменил походку. Куда девались резкость, угловатость, этакая несообразность в движениях... Они стали бесшумными, неторопливыми, мягкими, какими-то эластичными. Он усвоил величаво-небрежные манеры. При встречах не здоровался за руку, не останавливался и вместо приветствия только снисходительно кивал.

Мне сейчас тридцать три года. Тринадцать лет я проработал в органах госбезопасности. Я уже кое-что повидал, но быть свидетелем такого быстрого и разительного перевоплощения мне еще не приходилось.

В работе Геннадий стал проявлять такую активность, что диву даешься. Дим-Димыч, со свойственной ему наблюдательностью, правильно подметил, что Геннадий прямо-таки изнемогает от припадка служебного рвения. Он перестал заходить ко мне и к Дим-Димычу. Странно! Жили мы когда-то вдвоем под одной крышей, в одной комнатухе. Были дни, когда мы укрывались вдвоем одним одеялом, ели из одной тарелки, делили поровну скудную еду. Геннадий был старшим из нас. Ему сейчас сорок один год. На нашей дружбе не отразились моя женитьба пять лет назад и женитьба Геннадия четыре года назад. Мы лишь разъехались на разные квартиры. Но не проходило ни одного воскресенья, ни одного праздника, чтобы мы не встречались у кого-либо из троих. Мы старались попасть в отпуск в одно время, и часто это нам удавалось. Тогда мы ехали на Украину, где родился и вырос Геннадий, или на мою родину, в город Ржев.

А с того дня, как Геннадий «вышел в начальники», все пошло прахом, дружба наша дала трещину, а теперь окончательно развалилась.

Позавчера, в субботу, перед уходом со службы я специально зашел в кабинет Геннадия. Я предупредил его, что завтра день рождения Дим-Димыча и что по старой, освященной десятилетием традиции мы должны собраться. Он кинул на меня нарочито рассеянный взгляд и сказал, что позвонит мне домой завтра днем и скажет, придет или не придет.

И, конечно, не позвонил. Позвонил ему я. Позвонил, когда гости уже сели за стол. Геннадий ответил буквально следующее:

– Товарищ Трапезников, вы должны понять, что мне не совсем удобно отмечать юбилей с подчиненными. Это пахнет панибратством...

Он впервые обратился ко мне на «вы».

Я сказал ему по-старому:

– Геннадий, брось валять дурака! Мы собрались не у тебя в кабинете, а у меня дома. Из твоих подчиненных здесь будет один Дим-Димыч. При чем здесь панибратство?

– Вы меня не агитируйте, – прозвучал сухой ответ.

Я послал его к черту и положил трубку. Правда, сначала я положил трубку, а потом уже послал его к черту. Я сразу не нашелся. Я человек с несколько запоздалым рефлексом.

Короче говоря, Геннадий не пришел. Я передал наш разговор ребятам: Дим-Димыч махнул безнадежно рукой:

– Я тебя предупреждал. К этому все шло. Что ж... лучше не иметь вовсе друга, нежели иметь плохого.

Кто-то из гостей, будучи наслышан о том, что за последнее время отношения у Брагина и Безродного заметно подпортились, решил подшутить над Дим-Димычем:

- Смотри, паря, он, этот Безродный, еще проглотит тебя!
- Подавится, – огрызнулся Дим-Димыч. – Такой кусок, как я, может застрять в горле.
- А если не застрянет?
- Получит несварение желудка или заворот кишок.

Итак, за последние десять лет это был первый случай, когда Геннадий не поздравил Дим-Димыча и не пришел на день его рождения...

27 декабря 1938 г.

(вторник)

Только что вернулся от Дим-Димыча. Время – около трех часов ночи. На дворе чудная погода с приятным морозцем. Снег лег прочно и, видно, надолго. Город преобразился, посвежел, побелел.

Название города, в котором мы живем и работаем, я предпочту не называть. Укажу только, что город областной, а в прошлом губернский.

Так вот... Значит, я только что от Дим-Димыча. На службе сегодня нам не довелось повидаться, и я решил заглянуть к нему домой. Я и Дим-Димыч работаем в разных отделах: он под началом Безродного, а я у старого, опытного чекиста и умнейшего человека Курникова. А должности у меня и у Дим-Димыча одинаковые: оба мы начальники отделений. Дим-Димыча я застал дома. Он только что пришел с работы, сидел на продавленной койке с гитарой в руках и пел. Завтракал и ужинал Дим-Димыч, как холостяк, на работе в буфете, обедал в нашей столовой.

При моем появлении Дим-Димыч кивнул и продолжал петь. Наша дружба не требовала особых знаков внимания, и ничего необычного в моем позднем визите не было. Работу мы всегда заканчивали глубокой ночью. Точнее, прерывали ее для короткого сна.

Я сел на единственный венский стул и стал слушать.

У Дим-Димыча был несильный, но очень приятный баритон, и его пение всегда доставляло мне удовольствие. Сейчас он пел про утес на Волге, которому Стенька Разин поведал свои сокровенные думы.

Дотянув песню, Дим-Димыч встал, повесил на гвоздь гитару и спросил:

- Ну, чего молчишь?
- Песня хорошая.
- Да, неплохая. А знаешь, кто ее написал?

Я покачал головой. Нет, я не знал и даже не задумывался над тем, кто автор любимой мною песни.

– Написал ее царский чиновник Навроцкий, – сказал Дим-Димыч. – Он служил товарищем прокурора и не один раз выступал с погромными речами на процессах над политическими. Человек дрянь, а какую сотворил вещь! Живет и жить будет.

– Парадокс, – заметил я.

– Да, – подтвердил Дим-Димыч. – Я припоминаю, как в ВПШ наш преподаватель Севрюков развивал теорию, что плохой человек не может написать хорошей книги, а я спорил с ним и доказывал, что знаю поэта, очень грязненького в быту, пишущего хорошие стихи.

– Помню этого «ортодокса», – добавил я. – Загибщик он был.

– Загибщик – это для него много. Просто дурак. – Дима аппетитно зевнул и, растянувшись на койке, потянулся.

- Спать хочешь? – спросил я.
- Устал.
- Пойду. Мне тоже пора.

– Погоди. Ты знаешь, я как-то по-новому начинаю понимать Геннадия. Оказывается, чтобы разобраться в человеке, его надо сделать начальником. По-моему, Геннадий – карьерист.

– Ну, это ты хватил.

– Нисколько. Классический карьерист. Убеждать не стану. Скоро ты сам убедишься. Сегодня на него нашло демократическое настроение. Пришел к нам в отделение, угостил ребят папиросами и начал трепаться.

– О чем?

– О том, как его сватали в Москве на должность начальника отдела, а он ломался, раздумывал, колебался, а потом снизошел и дал согласие. Я рассмеялся: «Ты, говорю, сам еще не понимаешь, какую услугу оказал человечеству». Он нахмурился: «Не ты, а вы». Потом трепался насчет своей честности. В двадцатых годах ему будто довелось везти изъятые у буржуев золото. Целый ящик. Пуда три. Он плыл на пароходе по Каспию, пароход загорелся. Пришлось спасаться вплавь на круге. Он мог не только выплыть сам, но и прихватить для себя лично килограмма два золота в чеканке. Все равно оно пошло ко дну. Теперь он гордится тем, что устоял перед соблазном. Я и сказал ему: «Не велика заслуга не стать вором». Он повертел головой и промолчал.

– В общем, покусываешь его за ляжки?

– Пусть не говорит глупостей.

– Какие еще новости у вас?

– Никаких. Жду дня, когда все в этой жизни для меня станет ясно.

– То есть?

– Ну, например, я хочу получить ответ: зачем эти ночные бдения? Кто заинтересован в превращении ночи в день, и наоборот? Сегодня Безродный заявил: «Чем больше спим мы, тем больше бодрствует враг. Поэтому надо спать еще меньше». Ему кажется, что вокруг одни враги, что их можно черпать ковшом... Сумасшествие...

– На свете еще много непонятого, – философски заметил я, встал, пожелал Дим-Димычу приятных сновидений и отправится восвояси.

Да... Люблю я Димку. Хочется рассказать о нем побольше. Но разве за один раз все изложишь? Сколько бы я ни писал, все равно будет мало. Таков уж Дим-Димыч.

Встретился и познакомился я с ним осенью двадцать четвертого года на Северном Кавказе, в Чечено-Ингушетии, после операции по разгрому крупной политической банды. Дим-Димычу тогда едва сравнялось восемнадцать лет. Но его уже звали чекистом. И заслуженно звали. Он имел награду – пистолет «маузер». В ЧК он пришел по комсомольской путевке со второго курса института. Дим-Димыч и сейчас еще человек молодой, но чекист он старый. И при этом – потомственный. Его дед, которому сейчас было бы шестьдесят восемь лет, начал свою работу при советской власти с заместителя председателя ЧК на Тамбовщине. За три месяца до нашего знакомства с Дим-Димычем деда сожгли бандиты в стоге сена. Отец Дим-Димыча, до революции моряк, работал в Воронежской губчека и трагически погиб при крушении поезда. Мать Дим-Димыча служила в ЧК машинисткой и умерла в двадцатом году от тифа. Старший брат Дим-Димыча, в прошлом чекист, сейчас работает районным прокурором на Смоленщине. Получается, что работе в ЧК посвятили свою жизнь три поколения Брагиных. Такое редко встретишь. Я, например, еще не встречал.

С первого же дня я проникся к Дим-Димычу глубокой симпатией. Было в нем что-то боевое, юношески задорное, горячее и в то же время уже обдуманное, взвешенное и раз навсегда решенное. Он нашел себя, знал, куда идет, куда стремится, знал, что ему надо делать, чего от него требует Родина.

Дружбу нашу скрепил эпизод, в котором Дим-Димыч показал себя настоящим чекистом.

На меня возложили конвоирование двенадцати бандитских вожakov. Взяли их после упорного боя, потеряв троих наших товарищей. Арестованных надо было живьем доставить из

Грозного в Ростов-на-Дону. Дим-Димыча и трех бойцов из дивизиона войск ОГПУ нарядили мне в помощь. Нам предоставили обычный пассажирский вагон. Прицепили его к нефтеналивному составу, и поезд тронулся. Нас было пятеро, бандитов – двенадцать. О сне и отдыхе нечего было и помышлять. На полпути, между Минеральными Водами и Курсавкой, произошло ЧП. И произошло следующим образом. Провожая арестованного в туалетную комнату, один из бойцов развязывал ему руки и, впустив арестованного в кабину, сам оставался в коридоре. Ногу он ставил между порогом и дверью, чтобы сохранить щель. Время было позднее – часа четыре ночи. Боец Жиленков, помню как сейчас, мой тезка, повел в туалет самого свирепого по виду бандюгу лет под сорок, невысокого, но крепкого, толстомордого, в огромнейшей, похожей на барана, папaxe. В таких случаях Дим-Димыч направлялся в задний по ходу тамбур, а я – в передний, рядом с туалетной. Так мы поступили и в этот раз. Я стоял, дымил махорочной самокруткой и ждал, когда арестованный справит свои надобности. И тут я услышал звон разбитого стекла. Открыв дверь, я шагнул в коридор и обмер: на полу в неестественной позе, как-то изогнувшись и подобрав под себя руки, лежал неподвижно Жиленков. Винтовки возле него не было. Я дернул дверь туалетной, но она оказалась закрытой изнутри. Я даже не сообразил сразу, что произошло, да и некогда было соображать. Надо было действовать, и действовать, не теряя ни минуты. Я бросился в вагон.

Позже выяснилось, что бандит обдумал план побега заранее и все учел. Когда Жиленков поставил ногу, он с силой захлопнул дверь. Страшный удар тяжелой железной двери пришелся по ступне Жиленкова и переломал кости. Жиленков даже не вскрикнул. Он мгновенно потерял сознание и упал. Бандит схватил винтовку, запер дверь изнутри, выдавил плечом оконное стекло – и был таков.

Я рванул на себя ручку стоп-крана, но он не сработал. Оставалось одно – остановить поезд с помощью кондуктора, который вместе с Дим-Димычем находился в заднем тамбуре.

Бандиты уже догадались о случившемся, поднялись со своих мест и глухо переговаривались.

– Ложись! – отдал я команду, и ее тотчас же исполнили. – Кто поднимется, стрелять без предупреждения! – приказал я бойцам и помчался в тамбур.

Дим-Димыч и старик кондуктор с колючими тараканьими усами о чем-то мирно беседовали.

Я довольно сбивчиво и не особенно коротко рассказал о происшествии.

Дим-Димыч запрыгал на месте.

Не в меру флегматичный кондуктор вытащил из брючного кармана огромные «Павел Буре», посмотрел на них, потом выглянул за дверь в темень и преспокойно изрек:

– Не стоит!.. Куда он денется? Минуты через три-четыре Курсавка будет, а там – воду набирать. А за три минуты разве такую махину остановишь?

Он был прав, но Дим-Димыч возразил:

– Уйдет! Нельзя ждать!

И не успел я опомниться, как он спустился на нижнюю ступеньку вагона и исчез в темноте ночи.

– Сумасшедший, – произнес я. – Шею сломает!

– Они все такие, молодые, – добавил кондуктор и смерил меня критическим взглядом.

Действительно, минуты через четыре-пять наш состав влетел на станцию Курсавка и остановился. Я быстро отыскал представителя транспортного отдела ОГПУ, распорядился отцепить вагон с арестованными, взять его под охрану, а сам раздобыл ручную дрезину, усадил в нее трех молодых хлопцев-железнодорожников и помчался на помощь Дим-Димычу.

Мы скоро нашли место, где спрыгнул Дим-Димыч, где спрыгнул бандит. Обшарили длиннейший участок пути. Я кричал, звал, и мне помогали ребята. Я стрелял из пистолета в воздух, но безрезультатно: Дим-Димыч не отзывался. Он точно сквозь землю провалился.

«Что-то стряслось... что-то стряслось, – с тревогой думал я. – Как бы не наткнулся Димка на бандитскую пулю».

Поиски наши затянулись до рассвета, я уже окончательно пал духом, как вдруг увидел на горизонте, на фоне светлеющего неба, две приближающиеся точки. Между ними сохранялась небольшая дистанция. Я бросился навстречу, за мной последовали мои ночные спутники. Да, это был Дим-Димыч. Он конвоировал обезоруженного бандита. Тот, израсходовав в горячке всю обойму патронов, вынужден был вторично за последние сутки сдаться.

Я и Дим-Димыч побродили по городу, побывали в цирке, покатались на моторной лодке по Дону, познакомились с чудесными донскими девочками, а потом расстались. Я поехал в Краснодар, а Дим-Димыч к себе в Донбасс.

Встретились мы три года спустя в Москве, на учебе в ВПШ. Тут же познакомились и подружился с Безродным. Он приехал с Украины. По окончании школы, не без наших общих стараний, мы втроем попали в город, где работаем и сейчас.

Довелось нам не однажды за эти годы побывать и на Украине, и в Сибири, и в Ставрополе – где по одному, где вдвоем, а где и всем вместе, но это были командировки. Специальные командировки.

Теперь опять о Дим-Димыче.

По внешнему виду он человек ничем особенно не примечательный. Таких можно встретить часто. В детстве сверстники звали его цыганом. У него большие, выразительные ага-тово-черные глаза. Иногда они подернуты какой-то грустью. И волосы черные. Черные, густые, пушистые и всегда небрежно причесанные. На открытом, одухотворенном лице его из-под смуглой кожи проступают бугорочки костей. Дим-Димыч худощав, невысок и чуточку сутуловат. Но это почти незаметно. Он отличный физкультурник. Особенно он любит коньки, лыжи и футбол.

Дим-Димыч – веселый, беспокойный и уж очень кипятной какой-то. Внутри его заложен взрывной заряд мгновенного действия. Заряд этот может сработать в любую минуту. И вот что странно: одаренный повышенной чувствительностью, Дим-Димыч, когда это нужно, проявляет колоссальную выдержку. Он бывает иногда не прав, но при этом всегда искренен...

На сегодня, кажется, довольно. Пятый час. Пора спать.

29 декабря 1938 г.

(четверг)

Итак, опять о Дим-Димыче. Я сказал, что, бывая даже не прав, он остается искренним в своей неправоте. И это подкупает в нем. Его взгляды покоятся на твердых убеждениях. Если возникают какие-либо сомнения, он не может таить их в себе, делится ими с товарищами по работе. А на это нужна известная смелость, на которую способен не каждый. В принципиальных вопросах Дим-Димыч непримирим. Его можно сломать, изуродовать, но нельзя согнуть. Он не гнется. Он не из такого металла. Дим-Димыч не терпит лжи, лицемерия, ханжества, бахвальства и способен сказать человеку в глаза то, что о нем думает. Он любит подшучивать над приятелями, над начальством, но легко переносит, когда подшучивают и над ним.

Дим-Димыч решителен во всем, что касается работы, и потрясающе беспомощен в житейских делах. То, что для меня, Геннадия, любого другого является сущим пустяком, для Дим-Димыча представляет проблему.

Работник он честный, с большой инициативой, с творческим огоньком. Работает самоотверженно, с фанатической добросовестностью, не разделяя дел на малые и большие, вкладывая в каждое из них свою глубокую убежденность, весь жар души, всю страсть. Руководство управления знает, ценит Дим-Димыча, но не любит за острый язык.

Он всегда остается самим собой, никому не подражает, ни под кого не подделывается и не подстраивается. Он одинаков со старшими и с равными, на работе и вне службы, на партийном собрании и оперативном совещании.

Сегодня в полдень я и Дим-Димыч встретились в буфете за завтраком. Дим-Димыч поведал мне интересную подробность.

Оказывается, жена Безродного Оксана поскандалила с мужем из-за того, что он не захотел идти на день рождения Дим-Димыча и ее не пустил.

– Это Оксана сказала тебе? – спросил я.

– Нет.

– А кто?

– Варя.

Я кивнул. Варя – техник нашего коммутатора и предмет обожания Дим-Димыча.

– А как твои дела с Оксаной? – любопытствовал я.

– Дел, собственно, никаких нет. Я стараюсь избегать встреч с нею.

Дело в том, что жена Безродного Оксана, двадцатипятилетняя женщина, симпатизирует Дим-Димычу. Это известно многим, в том числе и Геннадию. Но Дим-Димыч сторонится Оксаны. Он побаивается женщин, идущих в атаку. Пусть это будет даже не прямая, лобовая атака, пусть это будет лишь намек взглядом, жестом. Все равно.

– Она не вызывает у меня сердцебиения, – добавил Дим-Димыч, помешивая ложечкой чай в стакане.

– Удивительно, – бросил я.

– А я не вижу ничего удивительного, – сказал Дим-Димыч. – Жену, как Оксана, найти – пара пустяков. А найти друга, верного, любящего, у которого не будет от тебя никаких тайн, принимающего тебя таким, какой ты есть, понимающего тебя с полуслова, – такого друга найти нелегко. На мой взгляд, подлинные друзья у нас муж и жена Курниковы. Этой паре можно позавидовать. Такое счастье надо искать. А ведь живут они вместе лет двадцать.

– Хм... А что ты скажешь обо мне и Лидии?

– Хочешь знать?

– Конечно.

– Ты любишь Лидию. И любишь прочно. Ты однолюб. Лидия тоже любит тебя, но уж не так.

Я слушал друга, и в груди у меня, под сердцем, что-то засосало. Дыхание стало вдруг тяжеловатым. Мне страшно хотелось узнать мнение Дим-Димыча, и в то же время я страшно боялся услышать его.

– Почему ты так думаешь? – стараясь казаться безразличным, спросил я и вяло улыбнулся.

– Мне так кажется. Я знаю тебя, знаю и ее. Она любит, когда за нею ухаживают, это льстит ее самолюбию, она любит пофлиртовать, а, как тебе известно, с флирта все и начинается.

Дим-Димыч был прав, Он знал, оказывается, Лидию не хуже меня. Я помню, как Лидия говорила мне: «Какой женщине не нравится, когда за нею ухаживают? Любая женщина не прочь пофлиртовать!» Пофлиртовать... Но флирт бывает разный!

– Вот видишь! – Дим-Димыч обаятельно улыбнулся, как мог улыбаться только он один. – Ты уж и призадумался. Что ж, это не вредно. Ответь мне: ты бываешь спокоен, когда Лидия едет на курорт?

– Как тебе сказать... – замялся я, не решаясь сказать правду.

– Нет, ты не бываешь спокоен. В этом я могу уверить тебя. А почему? Потому, что не веришь ей. Какие у тебя для этого основания – мне неизвестно. Но это факт. А вот Лидия за тебя спокойна. Она сама говорила это не раз мне, Геннадию, Оксане. И еще могу добавить:

если тебе понравится кто-либо, ты скажешь об этом Лидии. И Курников скажет своей жене. И жена Курникова скажет мужу. А Лидия – не знаю.

– Да... – только и смог я выговорить.

– Вероятнее всего, не скажет, – подтвердил Дим-Димыч. – Она дорожит тобой. Ты нужен ей. Она видит и знает тебя насквозь. Знает, что такого мужа, как ты, найти не просто.

– И в то же время...

– И в то же время она не прочь развлечься на стороне.

Да... Такие смелые суждения можно было принять без обиды только от подлинного друга.

– А не кажется ли тебе, – сказал я, – что между Оксаной Безродной и твоей Варей много сходства?

– Неудачное сравнение, – возразил Дим-Димыч. – Все равно что луна и солнце. Первая только светит, а вторая светит и греет. Слов нет, Оксана женственна, красива. И при всем том особа она плотоядная. Я чувствую это на расстоянии.

– Она умна, – заметил я.

– А что мне ее ум! Мне дороги у женщины сердце, душа. Да и что значит умна? Это спорный вопрос. Нет-нет... Между нею и Варей очень мало сходства. Разве что внешне.

– А что ты скажешь... – начал было я, но в буфет вошел мой начальник Курников.

Он подсел к нашему столику, и интимная беседа прервалась...

Сейчас я пишу и думаю, что дал неполную характеристику Дим-Димычу.

30 декабря 1938 г.

(пятница)

Сегодня в начале вечерних занятий мне позвонил Курников и приказал:

– Сходите к Безродному и возьмите у него материалы следствия на арестованного Чеботаревского.

– Он в курсе?

– Да. Есть распоряжение начальника управления. Дело примите к своему производству.

– Есть, – ответил я и отправился выполнять приказ.

Я слышал о Чеботаревском со слов Дим-Димыча. Дело находилось в его отделении. Но оно, как я понял друга, и к нам имело такое же отношение, как к отделу Безродного.

Чеботаревский Кирилл, двадцати двух лет, цыган по национальности, конюх по профессии, был арестован по подозрению в шпионаже в пользу румынской разведки. До революции семья Чеботаревского жила в Бессарабии, а потом отец с двумя сыновьями остались в городе Сороках, а мать и дочь переехали на другую сторону, в деревушку против города Сороки. Между семьей лег Днестр. Кирилл Чеботаревский тянулся к матери. Не один раз он перекликался через реку с сестрой и наконец не выдержал и однажды ночью переплыл Днестр. Тогда Кириллу было пятнадцать лет, и звали его все Кирюхой.

Выбравшись незамеченным из пограничной зоны, Кирюха проследовал в Тирасполь, явился в ОГПУ и рассказал о нарушении границы. Подростка-цыгана не арестовали, не судили, отпустили к матери и лишь запретили выезжать с места жительства. Пять лет спустя семья переехала в нашу область. Кирюха не кочевал с таборами ни одного дня. Получив в наследство от отца неистребимую любовь к лошадям, он со всей цыганской страстью отдался профессии конюха. Работал в колхозе под Тирасполем, числился в ударниках, красовался на Доске почета, окончил школу для взрослых. Когда же сестра его вышла замуж за тракториста и поехала с мужем в совхоз, мать и Кирюха отправились за ними.

Прошло около двух лет. Кирюха стал комсомольцем. В ноябре этого года его, как выразился Безродный, «загребли».

Сверхбдительный начальник районного отделения ОГПУ сумел доказать такому же, видно, как и он, прокурору, что Кирюха Чеботаревский – пришелец с чужой стороны и, следовательно, шпион.

Душа Кирюхи протестовала... Он плакал, бил себя в грудь, рвал волосы, клялся, молил, ругался, но ничто не помогало. Его отправили для решения судьбы в область.

Вот это-то дело и поступило теперь ко мне по указанию начальника управления.

Безродный был у себя. Получив разрешение, я вошел в кабинет.

– Садитесь, товарищ Трапезников, – пригласил он и этим «садитесь» как бы напомнил, какая дистанция разделяет нас. – Чем могу служить?

Я объяснил.

– Да-да... – кивнул Геннадий. – Дело чистое, и очень жаль, что мы не успели довести его до конца. Почему ваш Курников берет его с неохотой – не знаю.

Я пожал плечами. То обстоятельство, что Курников берет дело с неохотой, было для меня новостью.

Геннадий между тем снял трубку.

– Брагина мне!.. Товарищ Брагин? Это Безродный... Зайдите с делом Чеботаревского. Что? Хорошо, зайдите вдвоем.

Я понял, что Дим-Димыч счел нужным явиться вместе с работником, за которым числилось дело.

Через минуту вошли Дим-Димыч и помощник оперуполномоченного Селиваненко, молодой паренек, проработавший в нашей системе не более года. Его мобилизовали со школьной скамьи, из какого-то техникума. Это был розовощекий, еще не утративший гражданского облика, молодой, безусый паренек. Мне он был известен больше как активный участник клубной самодеятельности, нежели как оперработник.

– Вы вели дело? – спросил его Безродный.

– Так точно.

– Доложите его суть.

Селиваненко доложил. Выходило, что дело не стоит выеденного яйца. Я рассчитывал, что Геннадий, по новой привычке, устроит Селиваненко разнос, но этого не случилось. Возможно, помешал я. В нашей тройке я всегда занимал среднее положение, и со мной считались и Геннадий, и Дим-Димыч.

– Молодость, сударь мой, – проговорил Геннадий нравоучительно и в то же время с сожалением, – большой недостаток.

– Главным образом для тех, у кого она позади, – не сдержался Дим-Димыч.

Селиваненко молчал. Геннадий прицелился в Дим-Димыча своими серыми прищуренными глазами и пренебрежительно скривил рот.

Я с любопытством ожидал, что ответит Геннадий, но он промолчал. Промолчал, но не пропустил мимо слова Дим-Димыча, нет! Они засели глубоко. На его рыхлом, тепличного цвета лице обозначилась какая-то злая, неумная жестокость.

Почему же я раньше, в течение десяти прошедших лет, не замечал ничего подобного? Неужели Дим-Димыч прав, что Геннадия как человека удалось узнать лишь теперь, когда он стал так неожиданно-негаданно начальником одного из отделов управления?

Геннадий продолжал молчать. Прошла секунда, две, пять, десять, пятнадцать. Молчание становилось просто невежливым. Он, как это бывало с ним часто, не находил ответа на реплики Дим-Димыча. В словесных поединках с ним Геннадий всегда оказывался побежденным.

Пауза затянулась. Геннадий сидел, я тоже, а Дим-Димыч и Селиваненко стояли. Первый – непринужденно, хотя и вполне прилично, а второй – навтыжку.

Наконец Безродный сам нарушил молчание. Откинувшись на спинку кресла и, очевидно, решив, что лучше всего никак не реагировать на остроту, он улыбнулся по-старому, вздохнул и сказал:

– Да... Вот она, молодость... Молодо-зелено... А ведь надо учиться, дорогой мой друг. – Он обращался к Селиваненко. – Чтобы стать настоящим чекистом и разбираться без ошибок в человеческой душе, надо много учиться. Понимаете?

– Так точно! – заученно ответил Селиваненко.

– И вам все карты в руки, – продолжал Геннадий. – Для вас все условия. Было бы только желание. А вот старым чекистам, да вот хотя бы мне, ни условий, ни времени не было для ученья. А работали. Да как работали! Какие дела вершили! А какие чекисты были раньше, орлы!

– Раньше, видимо, не было и таких, как теперь, начальников, – пустил стрелу Дим-Димыч.

Я закусил губу.

– Это каких же? – переспросил Геннадий. – Никуда не годных, что ли?

– Этого я не сказал, – ответил Дим-Димыч. – Я сказал: таких, как теперь.

– Пожалуй, да. Таких не было. Мой первый начальник, к вашему сведению, товарищ Селиваненко, мог ставить на документах только свою подпись, а его резолюции мы писали под диктовку. Но мы учились у него работать, а он учился у нас.

– Последнее не вредно и теперь, товарищ старший лейтенант, – заметил Дим-Димыч.

Геннадий неопределенно кивнул и продолжал, обращаясь к Селиваненко:

– Вы не раскусили Чеботаревского. Это не дело, а находка! Клад! И этот клад, благодаря вашей недальнорукости, мы отдаем в другой отдел. Вас ожидала слава, хорошая слава, а вы предпочли конфуз.

– Слава, товарищ старший лейтенант, – вновь заговорил Дим-Димыч, – товар невыгодный: стоит дорого, сохраняется плохо.

– Не особенно умно, товарищ Брагин, – огрызнулся Геннадий. – Скорее, даже глупо.

– Возможно, спорить не стану, – невозмутимо произнес Дим-Димыч. – Это не мои слова. Они принадлежат Бальзаку, которого, как мне помнится, никто еще не причислял к глупцам.

Безродный потискал рукой свой подбородок и, нахмурившись, сказал:

– Идите, товарищ Селиваненко! Дело оставьте – и идите!

Селиваненко повернулся через левое плечо и вышел.

Геннадий встал из-за стола, прошел до закрытой двери, нажал на нее ладонью, хотя нужды в этом никакой не было, и, обернувшись к Дим-Димычу, обратился неожиданно на «ты»:

– Я никогда не говорил тебе, Брагин, хотя давно собирался сказать, что думать надо головой.

– А ты разве пытался думать другим местом? – съязвил Дим-Димыч.

– А голова у тебя не всегда хорошо варит. И я ею не особенно доволен. На данном отрезке времени особенно.

Дим-Димыч метнул в меня насмешливый взгляд и ответил:

– Не стану уверять, что моя голова украшает меня, но я ею доволен. Понимаешь – доволен. Я привык к ней.

– Товарищи! Я пришел к вам не затем, чтобы слушать вашу перебранку, – запротестовал я, – у меня дел уйма.

– Тоже верно, – снисходительно согласился Геннадий. – Дело, я считаю, еще не провалено. Оно не дотянуто. Виновный еще заговорит...

– Виновный или обвиняемый? Это еще не одно и то же, – попытался уточнить я.

– И будет ошибкой, если мы его освободим, – закончил Безродный.

– Никакой ошибки не будет, Геннадий... – горячо возразил Дим-Димыч и добавил, явно против своего желания: – Васильевич... Чеботаревский чист как агнец. Он вполне наш, советский человек. Ему было пятнадцать лет...

– Ого! – воскликнул Безродный и поднял палец. – Пятнадцать лет! Хорошенькое дело! Если он смог переплыть Днестр, почему он не смог дать подписку? Почему он не мог явиться по заданию? Что вы хотите из меня сделать? Я вас спрашиваю, товарищ Брагин. Хотите сделать из меня великого гуманиста? Ромен Роллана? Я для этого не гожусь. Могу вас заверить, что осудят его...

– Никто его не осудит, и, освободив его, мы никакой ошибки не сделаем. Надо не передавать, а прекратить дело. Даже Екатерина Вторая, которую история тоже не считает гуманисткой, сказала как-то золотые слова: лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить.

– Речь идет не о казни. Не говорите глупости! Пусть ваш Чеботаревский посидит за решеткой. Это полезно, – проговорил Геннадий.

– Сомневаюсь, – заметил я.

– Откуда вам известно, что это полезно? – спросил Дим-Димыч. – Я не уверен. По-моему, ничто так не изменяет взгляд на жизнь, как тюремная решетка.

– Язык у вас отлично подвешен, – уже раздражаясь, проговорил Безродный. – Но ваши экскурсии в прошлое и ссылки на Бальзака и Екатерину явно не к месту.

– А ваши на Ромен Роллана – тем более, – отпарировал Дим-Димыч.

– Короче! – потребовал Геннадий. – Что вы хотите сказать?

Дим-Димыч развернул папку и сказал:

– Дело прекратить и передать не в отдел Курникова, а в архив. Селиваненко вынес постановление, я подписал, вам остается поставить свою подпись и доложить начальнику управления.

– Все! Разговор исчерпан, – подвел итог Безродный. – Подписывать я не стану. И докладывать тоже. Берите дело, товарищ Трапезников. Я уверен, что вы сделаете из него конфетку. Чеботаревский – враг. Потенциальный враг. Я в этом убежден.

Разговор был окончен. Уступая дорогу Дим-Димычу, я покинул кабинет Безродного.

Когда мы вышли, Дим-Димыч сделал перед закрытой дверью не совсем почтительный жест и, обняв меня, сказал:

– Поверь мне, он кончит плохо. Он вызывает во мне холодное бешенство, – и сейчас же, что было ему свойственно, заговорил как ни в чем не бывало о другом: – А как с Новым годом?

– Собираемся у Курникова. Уже решено. Ты, конечно, приедешь с Варенькой?

– Несомненно. О, Андрюха! Ты еще не знаешь, что это за женщина! Восьмое чудо света. А Геннадий – дрянь. Если у него раньше и были какие-то порывы к чему-то хорошему, то теперь они зачихали на корню. Погибли. Навсегда. Это я понял с неотвратимой ясностью. Пока, Андрюха!..

– Иди и не наступай на ноги начальству, – пошутил я.

30 декабря 1938 г.

(пятница)

Канун Нового года.

Я только что пришел домой, пообедал, решил заснуть перед вечерними занятиями, но из этого ничего не получилось.

Лежать с открытыми глазами не хотелось, я встал, сел за стол и начал писать.

В окно смотрят ранние зимние сумерки. На улице уже зажгли фонари. Хорошо бы прогуляться по морозцу, но хочется писать. Да и другого времени, кроме обеденного перерыва и глубокой ночи, у меня нет. Буду писать.

Первая половина сегодняшнего дня принесла мне большое моральное удовлетворение. Получив вчера «дело» по обвинению Кирилла Чеботаревского, я внимательно ознакомился с ним, а сегодня утром доложил начальнику отдела Курникову. Мой доклад был, очевидно, настолько ясен, что Курников отступил от своего правила: не стал сам просматривать дело, а взял ручку и на постановлении – там, где было отведено место для подписи Безродного – поставил свою фамилию.

Через полчаса, не более, он вернул мне дело с визой начальника управления.

Отложив текущую работу в сторону, я зарегистрировал постановление, заверил копии, направил их куда следует, позвонил коменданту и попросил доставить ко мне арестованного.

Чеботаревский был не парень, а паренек – маленького роста, узкий в плечах, худощавый, – и я бы ни за что на свете не дал ему двадцати двух лет, которые значились в анкете. Самое большее – восемнадцать-девятнадцать. Вид у него был настороженный, запуганный, как у загнанного зверька. Он остановился посреди комнаты, вытянул руки по швам и выжидательно посмотрел на меня. Я понимал его состояние: до сих пор его вызывали и допрашивали Селиваненко, Брагин, к которым он уже привык, а тут вдруг привели к совершенно новому человеку. В чем дело? Почему? Что его ожидает?

Я предложил Чеботаревскому сесть у самого стола и подал постановление о прекращении уголовного преследования и освобождения из-под стражи.

Он сдержанно вздохнул, не предвидя, конечно, что таит в себе лист бумаги, и стал внимательно читать.

Потом уронил руки на стол, ткнулся в них головой и разрыдался, содрогаясь всем телом.

В горле у меня защекоotalo.

– Ну вот!.. Зачем же плакать? Все хорошо...

Кирюха поднял голову. В глазах его была радость, которую он не мог сдержать, растерянность и слезы. Слезы – крупные, как у обиженного ребенка, – катились по смуглым щекам.

– Это правда? – не веря еще, спросил он.

– Правда, – ответил я.

– И я могу называть вас уже не гражданин, а товарищ начальник?

– Можешь.

– Спасибо, товарищ начальник. Значит, я свободен?

– Свободен.

А слезы по-прежнему сыпались из его огромных черных глаз и падали на постановление, лежавшее перед ним.

– Ты же размочишь мне официальный документ, – пошутил я. – Придется перепечатывать заново.

Кирюха улыбнулся:

– Простите, товарищ начальник. Это я с радости.

– Подпиши постановление.

Чеботаревский размашисто вывел свою длинную фамилию и, подавая мне лист бумаги, сказал не без гордости:

– Подпись у меня только на червонцах ставить. – Он уже оправился от свалившегося на него неожиданно счастья.

– Хорошая подпись. Четкая, ясная, крупная, – одобрил я.

Затем я вручил Чеботаревскому паспорт и другие документы, изъятые у него при аресте, и позвал конвоира.

– Дело на товарища Чеботаревского прекращено, и из-под стражи он освобождается. Проводите его к коменданту. Тот в курсе дела.

Я подал руку Кириллу и пожелал счастливо встретить Новый год.

Он долго тискал мою руку своими двумя, а потом, вдруг вспомнив что-то, спросил:

– Можно, товарищ начальник, еще раз поглядеть на бумагу?

Я улыбнулся и подал постановление.

Конвоир покрутил головой и тоже улыбнулся. Глаза его как бы говорили: «Не верит. Хочет еще раз убедиться».

Я тоже так подумал. Но и конвоир, и я ошиблись. Чеботаревский быстро пробежал глазами текст, нашел, видно, нужное ему место и вернул мне постановление.

– Вы, значит, товарищ начальник, и есть Безродный?

«Этого только не хватало», – подумал я и ответил отрицательно.

– А можно узнать, как ваша фамилия?

Я назвал.

– Ага... – закивал Чеботаревский. – Значит, Трапезников, Селиваненко и Брагин. Ну что ж... Вас троих я по гроб жизни не забуду. За правду. А если будут у меня дети и внуки, то и они не забудут.

Сказал он это не театрально, не торжественно, а очень даже просто, почти застенчиво, опустив глаза.

Когда Чеботаревский ушел, я позвонил Дим-Димычу и рассказал обо всем.

– Значит, он принял тебя за Безродного?

– Ну да... На постановлении же была его подпись.

– Сейчас я к тебе поднимусь, – сказал Дим-Димыч и положил трубку.

«Знал бы бедняга Кирюха, – подумал я, – что о нем говорил Безродный, так тоже не забыл бы его по гроб жизни».

Дим-Димыч влетел в кабинет:

– Знаешь что? У меня мысль. Позвони Безродному и скажи так: многоуважаемый Геннадий Васильевич, мой начальник Курников придерживается вашего мнения, а я считаю своей ошибкой, что усомнился в виновности Чеботаревского... Нет, к черту! Не пойдет! Скажи лучше так: Чеботаревский только что признался, что переброшен румынской разведкой с баками летучего сапа, который он готовился распространять с будущего года. Так лучше. Геннадий взвывается к потолку, как змий.

– Нет, друже, не провоцируй меня. Я не мастер на розыгрыши и покупки. Да и зачем портить человеку кровь?

– Был бы еще человек стоящий, – разочарованно протянул Дим-Димыч и махнул рукой.

– Я скажу по-своему.

– Как по-своему? – заинтересовался Дим-Димыч.

Я снял трубку телефона, попросил соединить меня с Безродным и коротко сказал, что Чеботаревский освобожден.

– Головоотяпство! – крикнул Геннадий. – Кого выпустили? Чистейшей воды шпион...

– Насчет головоотяпства, – ответил я, – можете пожаловаться начальнику управления, который утвердил постановление.

Безродный произнес что-то нечленораздельное и хлопнул трубкой.

– Тоже неплохо, – заметил Дим-Димыч.

Так закончилось дело по обвинению Кирилла Чеботаревского...

А сейчас я подумал вот о чем: пишу о других – кого осуждаю, кого хвалю, а кто таков я? В самом деле: кто же я? Придется, видимо, сказать несколько слов о себе.

Поговорка гласит: ответь, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

Мой лучший друг – Дим-Димыч. Но с чего же начинать рассказ о себе? Все-таки попробую.

Меня зовут Андреем Михайловичем Трапезниковым. В детстве у меня не было особых радостей. Жизнь смотрела на меня исподлобья. Я могу составить длиннющий список обид на жизнь хотя бы за то, что она была мачехой моему отцу: он до революции отбыл шесть лет

каторги за принадлежность к РСДРП; получил туберкулез и угас совсем молодым; за то, что она круто обходилась с матерью, которая всю жизнь проработала медсестрой, заразилась от больных брюшным тифом и умерла; за то, что она досрочно отозвала с этого света моего брата и сестру; за то, что она заставила меня с семи лет задуматься над тем, что такое хлеб насущный и как он добывается; за то, наконец, что она не наделила меня особыми талантами, а сделала обычным средним человеком. Да и мало ли еще за что! Но я не буду составлять список обид. Я не клязник. Я не злопамятен. Я помню лишь те обиды, которые надо помнить, и забываю те, которые надо забыть.

Чекист я, конечно, не выдающийся, но я способен работать без усталости, точно хорошо отрегулированный и смазанный мотор, но выше занимаемой должности, в которой сижу уже четыре года, никак подняться не могу, хотя и стараюсь.

У меня как будто нет особых пороков, дурных привычек. Я не пьяница и не обжора. Я не люблю карты и презираю азартные игры, кроме бильярда. В детстве я любил лото и считал его умнейшей игрой в мире. Со временем пересмотрел свой взгляд на лото и решил, что немного переоценил его значение. Я не бросаю на пол окурков. Умею пользоваться носовым платком. Не грызу ногтей.

Кашляю в кулак. Женщин пропускаю всегда вперед. Кроме жены... Жена не в счет, она свой человек. Люблю ребятшек, животных, птиц, особенно лошадей и голубей. Я однолюб. Так, по крайней мере, утверждает Дим-Димыч. Возможно. До тридцать четвертого года я жил холостяком. Потом я сказал твердо: «Надо жениться» – и сразу почувствовал себя значительно лучше. Я женился на Лидии, которую знал до женитьбы три года. Я люблю ее и не изменю ей никогда. И не изменял.

Если я скажу, что я храбрец, это будет неправдой. Природа наградила меня храбростью лишь в той необходимой дозе, без которой мужчине, да еще чекисту, просто никак нельзя обойтись. В храбрецах я не числюсь, но и в трусах не хожу. Трусам в наших органах делать нечего. Короче говоря, я не смелее других.

А вот если я скажу, что человек я обстрелянный, то тут я не погрешу против истины. В меня стреляли не один раз. Стреляли издали, стреляли в упор. Не скажу, что это очень приятно. Больше, правда, промахивались, но дважды пришлось в аккурат. Одна вражья пуля, извлеченная хирургом из-под моего ребра, и сейчас хранится у меня в столе, а другая прошла насквозь бедро.

Я тоже стрелял, когда этого требовало дело.

Мне думается, что охарактеризовать себя полнее и глубже можно, когда согласишься со стороны или сравнишь с кем-либо другим. Предпочитаю последнее. Сопоставлю себя с Дим-Димычем.

Взглядами мы не расходимся, а характерами – да, расходимся. У меня не всегда хватает мужества сказать то, что думаю, в чем уверен, а Дим-Димыч – дело другое. Он может.

Он умеет выступать с горячими речами, с докладами, лекциями. Я – нет. Дим-Димыч успокаивает меня и говорит, что это еще не беда, а полбеда. Беда, когда нет мыслей, а у меня они, по его мнению, есть.

Дим-Димыч относится к числу людей, которых слушают внимательно даже тогда, когда они говорят сущие пустяки. Он умеет говорить веско, убедительно. Он подкрепляет слова удачными жестами. А меня в лучшем случае перебивают, в худшем – не слушают. Это очень обидно.

У меня не такой подвижный ум, как у Дим-Димыча. Он может острить, и довольно метко, а главное – вовремя. У меня ничего не получается. Умное, нужное слово, острая фраза приходят с опозданием, когда в них уже нет нужды.

Я могу более или менее терпеливо выдерживать несправедливые наскоки и выходки какого-нибудь ретивого начальника, а Дим-Димыч не таков. Он не даст спуску самому нар-

кому. Мне Дим-Димыч говорит: «Ты, Андрюха, терпелив как бог», – и я не знаю, хорошо это или плохо.

Дим-Димыч равнодушен к деньгам. Он мирится как с их наличием, так и с их отсутствием, а мне очень приятно, когда на моей сберкнижке значится небольшая сумма, которую я именую «подкожным фондом».

Я люблю уют и красивые вещи. Я не утопаю в роскоши, но у меня есть хороший ковер, венская качалка, японские безделушки из кости. Бронзу я тоже люблю. Мне приятно сидеть в старинной качалке, в теплом халате, с ароматной папиросой в руке, а в комнате мягкий полумрак, из радиоприемника льются какие-то приятные мелодии. Дим-Димыч против роскошеств. Он ведет спартанский образ жизни. Мне он говорит: «Внутри тебя, Авдрейка, сидит страшный сибарит. Ты этого даже не чувствуешь». Ну и пусть себе сидит. Это же не микроб?

Я не всегда бываю внимателен к жене, сыну, теще. Жена и Дим-Димыч упрекают меня за это. Я отвечаю, как философ: «Невнимание часто является формой вежливости».

Вот все, что я могу сказать о себе. Каждый человек стремится оставить по себе какой-то след на земле, стремлюсь и я. Завтра встреча Нового года. В исключение от правила нам разрешают закончить рабочий день в одиннадцать часов ночи. Вполне достаточно, чтобы добежать до дому и переодеться.

3 января 1939 г.

(вторник)

Прошло три дня нового года. Только сегодня я смог сесть за дневник. Какие события, заслуживающие моего внимания, произошли за эти несколько дней?

Я уже обмолвился как-то, что Новый год решили встречать в доме моего начальника Курникова. Вечер провели мило, весело. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о встрече Нового года.

Первого января состоялся традиционный новогодний вечер в клубе. Торжественной части не было. Начали с выступлений нашей самодеятельности, потом артисты местной филармонии дали приличный концерт, а после него устроили танцы, продолжавшиеся до трех часов ночи.

Когда шел концерт, Оксана Безродная смотрела не на сцену, а на Дим-Димыча, который конечно же был со своим «восьмым чудом света» – Варенькой. А когда начались танцы, Оксана стала предпринимать все усилия, дабы привлечь внимание Дим-Димыча. Она преследовала его повсюду, обстреливала улыбками, взглядами, заходила с тыла, с фронта, с флангов.

Дим-Димыч стойко выдерживал атаки и все внимание уделял «восьмому чуду света».

Но вот в перерыве Варенька что-то шепнула Дим-Димычу и исчезла. Я поманил Дим-Димыча к себе, и мы стали в уголке, у входа на сцену. Это была очень удобная позиция. Отсюда открывался вид на весь зал. Мы втихомолку закурили, пуская дым за кулисы.

Моя жена вместе с Оксаной все время прохаживались в фойе, а тут вдруг я увидел Оксану одну, в противоположном конце зала. Постояв несколько секунд в раздумье, она решительно стала пробиваться к нам сквозь толпу танцующих.

Оркестр играл танго.

– Держись, Дим-Димыч, – пошутил я. – Оксана идет в наступление.

– Я все вижу, – заметил он.

На Оксане было тяжелое бархатное платье с короткими рукавами. Надо признаться, оно хорошо подчеркивало красивые линии ее тела и оттеняло нежную бледность ее лица.

– Ты перестал меня замечать, – обратилась она к моему другу. – Чем это объяснить?

– Я не хочу, чтобы твой мавр выпустил в меня обойму патронов, – улыбнувшись, ответил Дим-Димыч.

Оксана прищурила свои синие глаза, повела бровью и сказала:

– Ты не ахти какой храбрец.
– Храбрость здесь ни при чем. Я придерживаюсь здравого смысла.
– И что он тебе подсказывает?
– Опасаться ревнивых мужей, особенно тех, которые пишут на тебя аттестации...
– Отбросим на сегодня здравый, смысл. Пойдем потанцуем. Тебе не стыдно, что приглашает дама?

– Очень, – ответил Дима. – Поэтому и не могу отказаться.

Оксана с загоревшимися глазами положила руку на плечо Дим-Димыча, и они не без усилий втиснулись в плотный строй танцующих.

Дим-Димыч танцевал как никогда напряженно, с каким-то упорством, будто исполнял тяжелую, но необходимую работу.

И вдруг сзади меня послышался возглас:

– Вот тебе и на! Отошла на минуту, а его уже украли.

Я оглянулся. Сзади стояло раздумавшееся «восьмое чудо света» – Варенька.

– Ты это откуда?

– С коммутатора через сцену. Тут ближе.

– Ревнуешь?

– Нет! – решительно ответила она и тряхнула головой.

– Смотри, – продолжал я в шутливом тоне, – Оксана – соперница опасная.

– А это не от нее зависит, а от Димы. А в него я верю.

К Вареньке подскочил таким фертом Селиваненко, получивший на концерте наибольшее количество аплодисментов за художественное чтение, и пригласил ее на танго.

– Дуй, Варенька, – подбодрил я ее. – Димка в тебя тоже верит.

Я наблюдал за обеими парами. Что и говорить, Оксана красива, и все-таки между нею и Варей есть что-то общее. Они почти одинакового роста, обе статные, у обеих сильные, стройные ноги, чудесные руки, высокая грудь, пышные каштановые волосы. И на этом, кажется, сходство заканчивается. Черты лица и глаза разные. Тут прав Дим-Димыч. Оксана – воплощение холода, а Варенька – одухотворенная теплота.

Когда музыка смолкла, первой ко мне подошла Варенька, а за нею Дим-Димыч. Она сейчас же взяла его под руку и, заглянув в глаза, спросила:

– Ну как?

Дим-Димыч смешно дернул головой и лаконично ответил:

– Хищная особа.

Я поболтал с ними немного, а когда танцы возобновились, направился в бильярдную. Там было так накурено, что дым четко, видимо на глаз отделялся от чистого воздуха. За единственным не очень плохим столом с костяными шарами шла горячая битва «на вышибаловку». Я взял кий, вошел в игру и не посрамил чести отдела! Воспользовавшись тем, что Фомичев дважды выпустил «свой» шар за борт и дважды заплатил штраф, я «вышиб» его под дружные хлопки болельщиков.

Второго января наш отдел походил на бивак. По коридору сновали работники, хлопали ежеминутно двери, стучали машинки, составлялись справки, ведомости, списки. В должность начальника отдела вступал новый человек, некто Кочергин, приехавший из Белоруссии. Я его видел пока один раз на совещании и ничего о нем сказать не могу.

А вчера я проводил в командировку Дим-Димыча.

Было около восьми, а то и все восемь вечера, когда дежурная машина доставила нас на вокзал.

С неба сыпалась снежная мелочь и шекотала лицо.

Дим-Димыч взял меня под руку, и мы зашагали по безлюдному перрону.

Столбик ртути на большом градуснике, прибитом к стене вокзала, показывал около двенадцати градусов ниже нуля.

– Не успел проститься с Варей, – пожаловался Дим-Димыч. – Заглянул на коммутатор, а ее там нет...

– Беда небольшая, не на войну едешь.

– Так-то оно так, но порядок нужен во всем...

Он не договорил. Кто-то налетел на Диму сзади и едва не сбил с ног.

– Пришла-таки! – заметил я.

Варя скороговоркой объяснила, что вырвалась из коммутатора без ведома начальника телефонной станции, что в ее распоряжении считанные секунды, что ожидать поезда, а тем более отправления его, она не может.

Дело ясно! С места в карьер они начали прощаться. Я как человек деликатный по натуре отошел в сторонку.

Прощание прошло в быстром темпе. Оно сопровождалось взглядами, вздохами, объятиями, жаркими поцелуями, но без слов. Да и к чему здесь слова!

Можно было подумать, что Дим-Димыч едет не на неделю, а на год и не в райцентр нашей области, а в экспедицию по открытию нового материка.

Когда удовлетворенное «восьмое чудо света» затопало своими валенками к выходной калитке, к платформе подошел поезд.

У вагона я сказал Дим-Димычу:

– Потешные люди вы, влюбленные.

– И ничего не потешные, – ответил он. – От Адама и Евы до наших дней все влюбленные одинаковы. А ты знаешь, по какому делу я еду?

– Понятия не имею.

– Любопытная история. Месяца два назад на одну из строек Сибири приехал член крайисполкома. Был митинг. На глазах у всех к члену исполкома подбежал какой-то тип и с ходу выпустил в него три патрона. Когда его пытались схватить, он хлопнул еще одного, двоих ранил, а последнюю пулю пустил себе в рот. И делу конец. Оpoznать убийцу-покойника никто не смог. Документов при нем не оказалось. Единственная улика – пистолет «парабеллум».

Мы прогуливались вдоль вагона.

– Так... – сказал я. – Нелепая история. Но это же в Сибири?

– Да, в Сибири. Но теперь выяснилось, что «парабеллум» принадлежал до ноября 1936 года работнику военкомата Свердловского района нашей области.

Я свистнул и спросил:

– Где же он, этот работник?

– Сидит в тюрьме.

– За что?

– На это я отвечу, когда вернусь. Пока неясно.

– Ну, желаю тебе успеха. Заходи... Уже два звонка.

Я усадил Дим-Димыча в плацкартный вагон и вернулся в город.

6 января 1939 г. (пятница)

Сегодня новый начальник отдела Кочергин собрал к себе руководящий оперативный состав и слушал доклады о наиболее серьезных материалах, находящихся в производстве.

Пока впечатление о Кочергине складывается в его пользу. Дело он, видно, знает и имеет опыт. Держит себя просто, а спокойствием напоминает Курникова. Подчиненного выслушивает, считается с его мнением. Это отрандно.

Например, выслушав начальника шестого отделения, Кочергин спросил:

– Как вы сами думаете?

Тот доложил.

– Вы убеждены, что это правильно?

– Да!

– Хорошо. Так и действуйте!

Конечно, не в меру «умный» товарищ, вроде Безродного, может сказать, что подмеченная мною деталь, по сути дела, мелочь, но, как известно, стиль работы и складывается из мелочей.

А с начальником первого отделения младшим лейтенантом Чередниченко произошел другой разговор. Тот доложил о заявлении на одно лицо, недавно появившееся в нашем городе и сразу привлечшее к себе внимание соседа по квартире.

Кочергин поинтересовался:

– Почему вы не побеседовали до сих пор с автором заявления?

– Как вам сказать... – замялся Чередниченко, – я имел в виду сделать это, но бывший начальник отдела Курников посмотрел на мою инициативу неодобрительно.

– Откуда это видно? – спросил Кочергин.

– К сожалению, письменного распоряжения не было...

Кочергин пристально, даже очень пристально, посмотрел на Чередниченко и недовольно произнес:

– Никогда не пытайтесь валить вину с себя на тех, кого нет и кто не может опровергнуть ваши слова. Это очень плохая привычка.

Меня никогда не радовали чужие неприятности, а вот тут душа моя возликовала. Чередниченко, безусловно, врал. Курникову он не докладывал, и Кочергин понял это.

Уже в коридоре ко мне подошел Чередниченко и произнес с иронией:

– Новая метла по-новому метет.

– Дурак! – коротко бросил я.

– Что ты сказал? – покраснел Чередниченко.

– Если понравилось, могу повторить, – ответил я. – Но мне кажется, что ты расслышал.

Чередниченко чертыхнулся и пошел к себе.

Несколько слов о Безродном. У нас в управлении две группы по изучению иностранных языков. С начинающими занимаются два частных преподавателя, а с теми, кто совершенствует знания, Дим-Димыч. Он прекрасно владеет немецким языком. Да и не только немецким. Дим-Димыча можно считать полиглотом. Он отлично знает румынский, свободно объясняется и бегло читает по-французски, неплохо знает чешский и польский.

На сегодняшнее занятие Безродный не явился. Я, как староста группы и замещающий Дим-Димыча в его отсутствие, решил выяснить причину.

– Почему тебя не было сегодня, Геннадий? – спросил я.

– Дела, дорогой мой. Зашил окончательно.

– Работы у всех хватает. А запустишь – труднее будет.

– А я вообще думаю бросить...

– То есть как это?..

– Да так, не до языков сейчас, друг мой. Да и туговато он идет у меня.

Это была правда. Геннадий не проявлял способностей в изучении языка. Он плохо читал по-немецки, еще хуже писал, а говорить не мог. Он не успевал закреплять знания, терял их. Дим-Димыч до последнего времени прилагал прямо-таки героические усилия, чтобы держать Безродного хотя бы на одном уровне. Дим-Димыч и я, да и другие ребята регулярно читали немецкую литературу, ежедневно разговаривали по-немецки друг с другом, слушали немецкие радиопередачи, короче говоря, систематически тренировали язык, а Геннадий ограничивался лишь посещением занятий. И вот решил вообще бросить учебу.

Я не стал его переубеждать, лишь сказал, что останавливаться на полпути плохо. Он ничего не ответил, а когда я собрался покинуть его кабинет, неожиданно остановил меня:

- Минутку, товарищ Трапезников. Хотите работать в моем отделе?
- Это как понимать? – удивился я.
- А так: если согласитесь, я заберу вас к себе и дам второе отделение. Слова «в моем», «заберу», «к себе», «дам» неприятно резанули слух.
- Я ответил:
- Очень неумно заставлять барана выбирать себе мясника.
- Остричь пытаетесь? С Брагина пример берете? – усмехнулся Безродный.

12 января 1939 г.
(четверг)

Позавчера вернулся из командировки Дим-Димыч. Он приехал ночным поездом и тотчас же позвонил мне. В третьем часу ночи я зашел к нему на квартиру. Дим-Димыч лежал на диване с папиросой в зубах, закинув руки за голову, и глядел в потрескавшийся потолок.

- Как дела? – спросил я и подсел на край дивана.
- Разругался с начальством, – не меняя позы, ответил Дим-Димыч.
- Опять?
- Ну да...
- Когда же ты успел?
- Успел, сейчас же по приезде.
- А из-за чего?

– Все из-за этого работника военкомата. Представь себе такую историю... – Дим-Димыч соскочил с дивана и заходил по комнате. – Ночь. Идет поезд. В тамбуре вагона стоит человек и курит. Кто-то из проходящих бьет его чем-то увесистым по башке, человек теряет сознание и падает. Приходит в себя уже в железнодорожной больнице. У него проломлен череп и отсутствует пистолет. А деньги, воинское удостоверение и все прочее – в порядке. Год спустя из его пистолета в Сибири неизвестный убивает члена крайисполкома, потом еще одного, двоих ранит, а затем пускает себе пулю в рот. Проходит немного времени, органы выясняют, кому принадлежал пистолет, и вот Безродный дает указание о возбуждении уголовного дела против работника военкомата. Ему предъявляют обвинение не больше и не меньше, как в соучастии в совершении террористического акта. Ясно?

- Боюсь, что да...
- Вот и все. С таким же успехом обвинение в соучастии можно пришить изобретателю пистолета. Я вынес постановление о прекращении уголовного преследования.
- Правильно поступил.
- А Геннадий другого мнения. Он встал на дыбы, назвал меня попиком, слюняем, упрекнул в том, что я умею только прекращать дела. Я, конечно, не смолчал... В общем, договорились до того, что он показал мне на дверь.

Дим-Димыч сел со мной рядом, закурил и спросил, имея в виду Кочергина:

- А как новенький?
- Пока ничего плохого сказать не могу.
- Ну и дай бог...

Поболтав еще с часок у Дим-Димыча, я ушел. Это было позавчера ночью. А сегодня утром по управлению прошла сногшибательная новость: Безродный ушел от жены и переехал на квартиру коменданта управления – холостяка. Мне эту новость сообщил на ходу все тот же Чередниченко. Безродный ночью явился на квартиру Дим-Димыча и якобы застал там свою жену Оксану.

– Сам понимаешь, – с усмешкой добавил Чередниченко. – Брагин зазвал ее не в шахматы играть.

Встревоженный, я бросился искать Дим-Димыча. Он в это время сидел у заместителя начальника управления с делом на сотрудника Свердловского военкомата. Надо было ждать, а ждать не хотелось. И я направился к Варе Кожевниковой. Мне подумалось, что коль скоро об этом скандале знает все управление, то и она должна быть в курсе событий. Однако Вари не оказалось на месте: она поехала на городскую телефонную станцию.

В мою голову лезли самые несуразные мысли. У меня давно были опасения, что неприязнь Геннадия к Дим-Димычу объясняется не только их стычками по работе. Тут примешивалось что-то личное, а конкретно – симпатии Оксаны к Дим-Димычу. Но я знал, как смотрит на Оксану Дим-Димыч. Я исключал всякую возможность близкой связи между ними. Но почему Оксана оказалась на квартире у Брагина, да еще ночью? Как узнал об этом Геннадий? Что произошло там? На эти вопросы мог ответить мне только Дим-Димыч.

Примерно через полчаса меня вызвал к себе секретарь парткома Фомичев. Я забыл сказать ранее, а поэтому скажу теперь, что я член парткома. У Фомичева уже сидели Безродный, Брагин, заместитель начальника управления по кадрам и начальник следственного отдела. Последние двое тоже были членами парткома.

Когда я сел, Фомичев пояснил:

– Созывать всех членов парткома, кажется, рановато. Вопрос не подготовлен и во многом неясен. Член партии Безродный ушел от жены и возбуждает дело о разводе. Виновником всей этой истории он считает не только свою жену, но и члена партии Брагина. История довольно неприятная...

Я посмотрел на Геннадия. На лице его была озабоченность, но озабоченность не обычная, а какая-то нервозная, приподнятая, несвойственная ему. Я перевел взгляд на Дим-Димыча. Он был спокоен. На его лице нельзя было подметить даже намека на смущение, волнение или растерянность.

После короткого вступления Фомичев повернулся к Дим-Димычу:

– Расскажи, товарищ Брагин, что произошло?

– Пожалуйста, – изъявил готовность Дим-Димыч. – Около трех, а может быть, и в три часа ночи, точно не помню, я пришел домой. Входную дверь мне открыла хозяйка. Она предупредила, что меня уже с полчаса ждет какая-то женщина. «Интересно, кто же это?» – подумал я, а войдя, увидел жену Безродного. Она, с заплаканными глазами, сидела на диване. Пальто ее и платок лежали на стуле. Удивленный необычным визитом, я спросил: «Что случилось? Что тебя привело сюда?» Вместо ответа она уткнулась лицом в подушку и расплакалась. Скажу правду – я растерялся. Оксана никогда у меня не была, а тут вдруг пожаловала ночью... и слезы... Я подсел к ней, взял за руку и опять спросил: «Скажи, в чем дело?» В это время открылась настежь дверь и вошел Безродный. Приняв театральную позу, он, как артист на сцене, сказал: «Не ожидали? Рассчитывали, что все будет шито-крыто? Думаете, что имеете дело с круглым дураком? Нет, не выйдет!» Затем он начал употреблять слова, которые часто можно встретить на заборах. Я дал понять ему, что если он не заткнет свою глотку, то сделаю это я. Безродный выпустил еще один залп ругательств, хлопнул дверью и исчез. Следом за ним как сумасшедшая побежала его жена. Вот все, что было.

– Получается так, – произнес заместитель начальника управления, – что жена Безродного пришла к вам по собственной инициативе?

– Только так, – ответил Дим-Димыч.

– Ложь! – крикнул Безродный. Лицо его мгновенно переменило цвет и стало похоже на маску.

– Спокойнее! – предупредил его Фомичев.

– Это во-первых, – добавил Дим-Димыч. – А во-вторых, товарищ Безродный, запомните, что в серьезных вещах я никогда не лгу.

– Скажите, пожалуйста, какое совершенство! – с сарказмом воскликнул Безродный.

Фомичев нахмурился и постучал карандашом по столу.

– Вы хотите высказаться? – спросил он Геннадия.

– Я хочу, чтобы вопрос о Брагине как о морально разложившемся субъекте был вынесен на обсуждение общего собрания, – ответил Геннадий. – А пока у меня к нему есть несколько вопросов.

– Прошу, – наклонив голову, произнес Дим-Димыч.

– Вы заявляете, что никогда не лжете?

– Вас это удивляет? – огрызнулся Дим-Димыч.

– Я спрашиваю, а вы отвечайте, – повысил голос Безродный, и его тонкие губы сжались.

– Если вы будете разговаривать таким тоном, – пожал плечами Дим-Димыч, – то я предпочту вообще не отвечать. Вы же не у себя в кабинете, а в парткоме.

Безродный побагровел, но, пересилив себя, уже обычным своим тоном спросил:

– Если вы выдаете себя за кристально честного человека, то ответьте при членах парткома: вы знали о том, что моя жена была к вам равнодушна?

– Да, знал, – очень спокойно, с этакой снисходительной улыбкой ответил Дим-Димыч.

– Быть может, вас не затруднит ответить, – продолжал Безродный, – как же вы узнали об этом?

– Нисколько не затруднит. Узнал об этом я от вас, товарищ Безродный.

– Ложь!

– Нет, это правда. Вы сказали мне об этом, будучи слегка под градусом, год с небольшим назад на моем дне рождения в квартире Курникова.

– Ложь! – уже менее горячо возразил Безродный.

Тут уж не сдержался и я:

– Не ложь, а правда! Я был свидетелем этого разговора. Больше того, я помню и то, что ответил Брагин. Он сказал: «Геннадий! Можешь спать спокойно: Оксана для меня слишком хороша».

– Тогда зачем она оказалась в его доме? – изменил курс Безродный.

– Об этом, мне кажется, лучше всего спросить ее, – предложил я, обращаясь к Фомичеву.

– А вы жену спрашивали? – спросил Фомичев Безродного.

– Жена врет, – отрезал он. – Я не верю ни одному ее слову...

– Товарищ Фомичев, – заговорил Дим-Димыч, – если вы дали возможность Безродному задавать вопросы, то, надеюсь, такой же возможностью могу воспользоваться и я?

– Что у вас? Давайте! – разрешил Фомичев.

– У меня такой вопрос к товарищу Безродному, – начал Дим-Димыч. – Коль скоро он вошел в мою комнату вслед за мной, с разницей на полминуты, то он, возможно, видел, когда я подходил к дому?

Все повернули головы в сторону Геннадия. Тот передернул плечами и, усмехнувшись, бросил:

– Уж не рассчитываете ли вы, что я вел за вами слежку?

– Я ни на что не рассчитываю. Я спрашиваю: возможно, вы видели меня?

– Нет, не видел.

– А как вы узнали, что ваша жена сидит у меня в комнате?

– Жена – другое дело, за вами же я не намерен следить.

– Допустим. Но вы учтите, что жена ваша ожидала меня полчаса, что, впрочем, известно вам лучше, нежели мне.

– И что же? – с вызовом ответил Безродный.

– Ничего. Больше вопросов у меня нет. Мне все ясно.

– Что вам ясно?

– Все!

– Вы намекаете на то, что я преувеличиваю?

– Преувеличиваете? Это не то слово. Для этого в нашем лексиконе можно будет отыскать, когда это понадобится, более точное определение.

– Хватит! – прервал Фомичев и встал. – Я предлагаю поручить товарищу Трапезникову побеседовать с женой Безродного и доложить о результатах беседы нам. Не возражаете?

На этом беседа окончилась. Все стали расходиться.

Идя с Дим-Димычем по коридору, я спросил его:

– Ты в самом деле не знаешь, зачем к тебе явилась Оксана?

Дим-Димыч покачал головой и сказал:

– Плохи мои дела, если даже ты мне не веришь.

– С ума спятил! Почему ты решил, что я тебе не верю?

– По твоему вопросу.

– Да ну тебя к черту! Не лови на слове! Я не то хотел спросить.

Дим-Димыч обнял меня за плечи:

– Шучу. Что тебя интересует?

– Меня? Мне хочется знать, как ты сам себе объясняешь визит Оксаны?

– Ума не приложу. Опоздай Геннадий на две-три минуты, она бы, конечно, все выложила, но он вошел почти следом.

– Странно! Очень странно...

На этом мы и расстались.

18 января 1939 г.

(среда)

Телефонный звонок поднял меня с кровати около шести часов утра. Звонила междугородная. Какой-то район вызывал меня к телефону, но какой именно – я не узнал до сих пор. Разговор не состоялся. Просидев у безмолвствующего аппарата с четверть часа, я выругался и лег в постель. Но склеить прерванный сон не удалось. Тогда я надел свой любимый теплый халат, включил настольную лампу и сел за стол.

Надо записать несколько слов о стеснительном поручении, данном мне Фомичевым. На другой день после совещания в парткоме я дозвонился до квартиры Безродного и условился с Оксаной о встрече.

Передо мной была поставлена ясная задача: узнать от Оксаны, что привело ее поздней ночью к Дим-Димычу. Кажется, проще пареной репы: задать вопрос и выслушать ответ. Но так только кажется. Этого-то простого вопроса я сразу задать и не мог. Я стал блуждать вокруг да около, делать большие круги, ставить наводящие вопросы. Но она предпочитала отмалчиваться.

Я рассчитывал застать Оксану в слезах, убитую горем, но мои расчеты не оправдались. Внешне она выглядела обычно, держалась бодро, а что творилось в ее душе, я отгадать не мог.

Короче говоря, я начал издали и спросил Оксану:

– Ты знаешь, что Геннадий подал заявление в партком и требует привлечения Дмитрия к партийной ответственности?

Оксана покачала головой. Нет, этого она не знала.

– А за что привлекать его? – спросила она.

– За то, что он разбил семейную жизнь. Он пригласил тебя, замужнюю женщину, мать ребенка, поздней ночью к себе на квартиру...

Оксана улыбнулась. И только, кажется, по этой улыбке я определил, что ей все-таки очень тяжело. Улыбка была грустная, вымученная.

Я до сих пор не предполагала, что живу с негодяем, – сказала она тихо. – Как же Геннадий может обвинять Дмитрия в том, что тот пригласил меня, когда знает, почему я пошла...

– А чем был вызван этот визит? – задал я свой главный вопрос.

– Для тебя это важно?

– Для меня – нет, а для парткома – очень.

– Хорошо. Я расскажу.

Оказывается, накануне всей этой скандальной истории Геннадий впервые за супружескую жизнь устроил жене бурную сцену ревности. Он заявил, что роман между Оксаной и Дмитрием давно уже вышел из стен нашего коллектива, стал достоянием чуть ли не всего города, а Геннадий – посмешищем в глазах сослуживцев, что по его адресу сыплются недвусмысленные намеки и т. д. и т. п.

На другой день Геннадий неожиданно явился домой раньше обычного и повторил сцену ревности. В этот раз он заявил жене, что держит судьбу Брагина в своих руках и может так его скомпрометировать, что Брагина вышибут не только из органов, но и из партии. Причем все это Геннадий проделает этой же ночью, после работы.

– Эта угроза, – продолжала Оксана, – и заставила меня пойти к Дмитрию. Говорить об этом по телефону я сочла неудобным, а ждать утра не решилась.

– Геннадий знал о твоём намерении? – поинтересовался я.

– К сожалению, да. Я не собиралась скрывать. Он совсем осатанел. Я никогда его таким не видела. Он готов был растерзать меня. Потом заявил, что не может больше и минуты жить со мной под одной крышей, и ушел. А я отправилась к Дмитрию. Я знаю его как очень честного человека и решила предостеречь от возможного шантажа. Уже на улице мне показалось, что Геннадий следит за мной.

– Ты не ошиблась?

– Я не говорю – точно. Мне показалось. В подворотне дома Дмитрия я, кажется, опять увидела его пальто... Да и в комнату он ворвался следом за Дмитрием Дмитриевичем. Выбрал нужный момент...

От Оксаны я с легким сердцем отправился к Фомичеву. Мне, собственно, и до этого было ясно, что Дим-Димыч говорит правду, но теперь эта правда получила очень веское подтверждение.

Короче говоря, сегодня Фомичев в моем присутствии беседовал с Безродным. Тот взял обратно свою жалобу, но решительно заявил, что жить с женой не будет.

27 января 1939 г.

(пятница)

Оксана тоже подала заявление с просьбой о расторжении брака.

Спустя три дня Геннадия и Оксану вызвали в загс Центрального района. Попытка примирить супругов успехом не увенчалась.

Я встретил Оксану на улице вместе с дочкой, прехорошенькой двухлетней девчуркой.

Оксана была озабочена, расстроена. Оказывается, наши хозяйственники, действуя по принципу «лучше раньше, чем позже», не ожидая развода, открепили Оксану от магазина.

– Что ты думаешь делать дальше? – спросил я.

Она растерянно пожала плечами.

– Страшновато немножко... Но ради нее, – Оксана прижала к себе головку дочери, – я готова работать хоть полумойкой. Как-нибудь не пропадем...

12 февраля 1939 г.

(воскресенье)

Воскресный день начался, как обычный рабочий день. В одиннадцать часов позвонил капитан Кочергин и спросил, говорит ли мне о чем-нибудь фамилия Мигалкин.

«Мигалкин... Мигалкин...» – повторил я про себя, призывая на помощь память. Безусловно, я уже слышал не особенно распространенную фамилию. Но где, когда, в связи с чем?

– Простите, товарищ капитан: откуда он, этот Мигалкин? – задал я наводящий вопрос.

Кочергин назвал районный центр нашей области и добавил:

– Мигалкин Серафим Федорович, по профессии шофер...

Этого было достаточно, чтобы память моя мгновенно сработала.

– Мигалкин полтора года назад приехал из Харбина... – доложил я. – Сын эмигранта – чиновника акцизного управления... В эмиграцию попал малолетним ребенком... Отец его до последнего времени поддерживает активную связь с организованными белогвардейскими кругами. Живет в достатке. Мигалкин Серафим непосредственно перед выездом из Харбина окончил там специальную школу по подготовке шоферов...

– Занесите материалы мне! – приказал Кочергин.

Часа полтора спустя начальник секретариата управления пригласил меня к начальнику управления майору Осадчему.

«В чем дело? – подумал я, запирая ящики стола, шкаф и сейф. – Почему прямо к Осадчему, минуя Кочергина?»

У Осадчего уже были Безродный, Кочергин и Брагин. Дим-Димыч, видимо, только что закрыл за собой дверь – он стоял еще у порога.

Майор Осадчий пригласил нас обоих сесть, взял в руки лист бумаги и объяснил:

– Это шифровка от начальника райотделения младшего лейтенанта Каменщикова...

И Осадчий прочел шифрованную телеграмму специально для меня и Брагина. Остальные уже были знакомы с нею. Оказывается, в районном центре, небольшом глухом городишке, в квартире некоей Кульковой Олимпиады Гавриловны сегодня утром работники милиции обнаружили труп неизвестной молодой женщины. Накануне женщину доставил в город с вокзала на квартиру к Кульковой на своей машине шофер Мигалкин. Младший лейтенант Каменщиков просит срочно командировать к нему квалифицированных оперработников для проведения расследования и опытного судебно-медицинского эксперта. Коль скоро к происшествию причастны в какой-то мере Мигалкин и Кулькова, младший лейтенант Каменщиков придает событию политическую окраску и намерен все материалы предварительного расследования из уголовного розыска милиции забрать в свой аппарат.

– Вопросы есть? – осведомился майор Осадчий.

Все было ясно.

– Решено послать на место оперативную группу. Поедут старший лейтенант Безродный и лейтенанты Брагин и Трапезников. Судебно-медицинский эксперт уже откомандирован в райцентр... Вот так... а теперь не смею задерживать, – заключил Осадчий. – Начальником опергруппы назначаю старшего лейтенанта Безродного.

Поначалу договорились ехать все вместе на «эмке» Безродного, но потом он передумал и предложил мне и Дим-Димычу выехать четырнадцатичасовым поездом. Должно быть, наша компания его не особенно устраивала. Ну и бог с ним! Откровенно говоря, мы были даже рады.

В четырнадцать с минутами почтовый поезд отошел от перрона.

Когда город остался позади, Дим-Димыч предложил соснуть. Обычно мы очень мало отдыхали и, если случалось ехать в командировку поездом, охотно залезали на верхние полки и мгновенно засыпали. И теперь я уже приготовился поблаженствовать, как вдруг Дим-Димыч тронул меня за плечо.

– Мыслишка пришла в голову, – проговорил он.

– Выкладывай покороче, – разрешил я.

– Знаешь, почему Геннадий решил ехать на машине один?
Я признался, что не имею об этом никакого понятия.
– Он рассчитывает прибыть на место первым...
– Это очень важно? – спросил я с усмешкой.
– Чудак человек! Вполне естественно! К этому должен каждый стремиться, а Геннадию и сам бог велел.

13 февраля 1939 г.

(понедельник)

Мы вышли на безлюдный, продуваемый студеным ветром перрон небольшой, заброшенной в лесах и присыпанной снегом глухой станции. До районного центра оставалось еще семьдесят километров.

Невольно поежились и подняли воротники своих демисезонных пальто. На зимнее пальто у нас не хватало сбережений.

– Не особенно весело, – заметил Дим-Димыч.

Я промолчал.

Падал сухой колючий снег. Крутила поземка. Под порывами ветра с режущим скрипом раскачивался из стороны в сторону одинокий станционный фонарь.

– Ну? – бодрым голосом спросил меня Дим-Димыч. – Что же дальше?

– Дальше – поедем.

Я отыскал служебный проход в деревянном здании вокзала и провел через него Дим-Димыча. Мне думалось, что «газик» районного отделения уже поджидает нас. Но у подъезда машины не оказалось.

– Замело, занесло, запуржило... – продекламировал Дим-Димыч.

Я не прислушивался к словам друга. Отсутствие «газика» несколько беспокоило меня.

Машина была, правда, не особенно надежная, я об этом знал. Она выходила все отведенные ей человеческим разумом эксплуатационные сроки и раза в три перекрывала их. Ее давно пора было сдать на свалку, а она продолжала еще каким-то чудом держаться на колесах и скакать по районному бездорожью. Но младший лейтенант Каменщиков слыл человеком обязательным и воспитанным на точности. Он должен был предусмотреть всякие «но» и принять меры, в крайнем случае побеспокоиться о другом транспорте. Хуже всего, если «газик» скис на дороге.

Я не преминул высказать свои соображения Дим-Димычу.

Друг мой никогда не падал духом и придерживался поговорки, что чем хуже, тем лучше.

– У нас есть возможность проверить твои опасения, – спокойно ответил он.

– Каким способом?

– Подождать. – И Дим-Димыч показал рукой на освещенные окна вокзала.

Уже другим ходом мы вошли в зал ожидания. Здесь красовалась буфетная стойка и стояло шесть столиков, обитых голубой клеенкой. Два из них, сдвинутые вместе, были заняты веселой компанией. Ночные гости громко говорили, не обращая на нас никакого внимания, ежеминутно чокались гранеными стаканами и аккуратно наполняли их вином.

Мы подсели к соседнему, свободному, столику и закурили.

– Поспали мы отлично, – заметил Дим-Димыч. – И неплохо бы сейчас поддержать уходящие силы...

– Очень неплохо, – согласился я, взглянув на буфетную стойку.

В это время в зал вошел коренастый, приземистый человек, заросший по самые глаза густой рыжей бородой. Он энергично закрыл за собой дверь, снял с головы меховую шапку, отряхнул ее от снега и стал молча осматривать зал.

Голову его, крупную, породистую, украшала такая же, как и борода, рыжая взъерошенная шевелюра.

Уделив присутствующим, в том числе и нам, столько внимания, сколько он считал нужным, незнакомец прошагал в угол к оцинкованному баку с большой жестяной кружкой, тщательно ополоснул ее, нацедил воды и залпом выпил. Выпил и стал рассматривать меня и Дим-Димыча своими строгими внимательными глазами.

Так прошло еще несколько минут. Потом незнакомец провел пятерней по волосам и решительно направился к нашему столику.

Бывает так: смотришь на совершенно незнакомого человека – и тебе кажется, будто он хочет заговорить с тобой. Больше того, ты даже уверен в этом.

Так было и сейчас, когда мои глаза встретились с глазами рыжеволосого незнакомца.

Я изучающе и не без любопытства смотрел на него.

– Товарищ Трапезников? – спросил он, подойдя вплотную и подавая мне мощную, как у мясника, руку.

– Так точно, – ответил я, вставая. – С кем имею честь?..

– Хоботов! – назвал себя незнакомец. – Судмедэксперт, патологоанатом и прочее. Я так и подумал, что это вы, – наслышан о вас еще от товарища Курникова. – И Хоботов перевел взгляд на Дим-Димыча.

Я представил своего друга.

– Вот и отлично, – заметил Хоботов низким, грудным басом. – Значит, прибыли мы одним поездом. Я уже было подался в поселок насчет транспорта, но меня вернул какой-то добрый человек, сказал, что дело это безнадежное.

– Поедем вместе, – предложил Дим-Димыч. – За нами должны прислать машину.

– Совсем хорошо, – заключил Хоботов. Он снял с себя теплое пальто на меху, со сборками в талии, похожее на бекешу, и положил его вместе с шапкой на стул.

– А вещи ваши? – поинтересовался я.

– Все при мне, – удовлетворил мое любопытство Хоботов. – Все по карманам. Я не признаю в коротких поездках ни чемоданов, ни портфелей. Не верите? – И он улыбнулся хитрой улыбкой, показав крепкие, один в один зубы. – Могу доказать. Это что? А это? А это?..

Как уличный фокусник, он начал извлекать из своих бездонных карманов и демонстрировать поочередно зубную щетку, тюбик с пастой, огромную расческу, несколько носовых платков, два флакона одеколона, вафельное полотенце, лупу и, наконец, замшевый мешочек с инструментом.

– Удобно? – спросил. Дим-Димыч.

– Не особенно, – признался Хоботов. – Но уже привык. Воры отучили меня возить чемодан... Я сплю как убитый.

Мы рассмеялись, закурили теперь все втроем и повели беседу как давние, старые знакомые...

Доктор Хоботов был сколочен на редкость ладно, плотно и выглядел здоровяком. Его волосы с золотистой искоркой не имели ни единой седины, кончики усов торчали горизонтально, будто закаленная проволока. Из-под выпирающих надбровий пылливо смотрели небольшие, глубоко сидящие темно-карие глаза.

Он держал себя просто, но с достоинством, был немногословен, если говорил, то кратко и негромко, как человек, уверенный, что его и так услышат. В его речи, жестах, во всем облике, включая и внушительную, прямо-таки разбойничью бороду, совершенно не чувствовался возраст. Я все время смотрел на него, ломал голову и думал: сколько же ему? Можно было согласиться на сорок, можно было дать и пятьдесят. А десять лет для человека – разница существенная. Потом я перестал гадать, решил, что для точного определения возраста нашего нового знакомого надо непременно заглянуть в его паспорт.

После пятиминутной беседы Хоботов признался:

– Я голоден как волк...

– Да, не мешало бы перекусить, – согласился я.

Доктор поманил пальцем официантку. Та подошла развалистой походкой и равнодушным голосом доложила о возможностях буфета. Все меню состояло из отбивных свиных, жареной курицы и клюквенного киселя.

– А напитки? – поинтересовался Хоботов и щелкнул себя по горлу.

– Сколько вам? – осведомилась официантка.

– В предвидении дороги, а также учитывая наружную температуру... – Он умолк и поочередно посмотрел на меня и Дим-Димыча.

– Предлагаю по двести, – сказал я.

– Присоединяюсь, – согласился Дим-Димыч.

– Дорожная норма, – подвел итог Хоботов. – Шестьсот граммов.

Доктор и Дим-Димыч заказали жаркое из курицы, я – отбивные и две порции киселя.

– Какое унылое лицо, – покачал головой Хоботов, когда официантка пошла выполнять заказ. – Совсем не гармонирует с оживлением, что за соседним столиком... Давайте переберемся в уголок к окошку.

Мы не возражали.

Когда мы обосновались на новом месте и перенесли свою одежду, Хоботов откровенно сказал:

– Совершенно не могу объяснить, почему, но человек, чавкающий во время еды, вызывает во мне холодное бешенство. Я способен смазать его по физиономии.

Мы машинально посмотрели на шумную компанию, от которой удалились. Действительно, парень в заячем треухе обрабатывал пищу с таким усердием, что звуки, вызывавшие бешенство у доктора, разносились по всему залу.

Официантка подала заказ. У котлет оказался на редкость странный, несвойственный им запах. Я решил, что мой желудок не настолько натренирован, чтобы освоить без последствий это блюдо, великодушно отказался от него и, следуя примеру попутчиков, попросил заменить отбивные курицей.

– Хрен редьки не слаще, – коротко бросил доктор, отыскивая в курице съедобные места.

Курицу забыли, вероятно, кормить в течение месяца перед смертью, и нам достались сплетения из костей и сухожилий, напоминающих скрипичные струны.

Кисель также не вызвал нашего восторга. Это была мутновато-студенистая жидкость, заполняющая стакан не более как на две трети. Мы проглотили ее залпом, точно яд, и доктор на полном серьезе спросил:

– Вам не кажется, что обед наш чрезмерно легкий?

– Кажется, – рассмеялся я, – но повторить его рискованно.

– Да, придется потерпеть, – согласился Дим-Димыч.

Мы вволю наговорились, выкурили полпачки папирос, когда в зале появился наконец шофер райотделения, пожилой человек, которого я знал как Василия Матвеевича.

– Прошу извинить, – сказал он, подойдя к нам. – Это же гроб, а не машина. Заело переключение, включились все скорости – и хоть плачь!

– Чего уж там, – сказал я. – Бандура твоя мне знакома. А доберемся?

– Доберемся-то доберемся. Не ночевать же здесь. – И Василий Матвеевич с презрением оглядел зал.

Хотя в его словах было мало утешительного, мы решили все же ехать и покинули вокзал.

Хоботов обошел вокруг «газика», осмотрел его критическим оком и атаковал заднее сиденье. К нему присоединился Дим-Димыч.

– Не знаю, как вы, а я попытаюсь уснуть, – сказал доктор.

Надорванное сердце машины хрипло вздохнуло, засопело, заклохтало и тут же умолкло. Потом снова вздохнуло и нехотя глухо и сердито заурчало. Машина порывисто прыгнула, точно лягушка, и ходко двинулась с места.

«Лиха беда начало», – подумал я.

Мы пролетели подобно снаряду через спящий станционный поселок и сразу оказались на большаке, сдавленном с обеих сторон высоким лесом. Упругий ветер ударял машине в лоб и пузырил брезентовый верх. В свете фар на нас надвигались и мгновенно исчезали телеграфные столбы и редкие дорожные знаки.

Единственным достоинством «газика», на мой взгляд, было то, что после долгого кашляния, чихания, тоскливых вздохов и судорожных прыжков он все же мог развивать приличную, по нашему времени, скорость. На самом переломе ночи показались выбеленные морозом крыши домов районного центра. Город спал. Машина несла нас по безлюдным улицам и остановилась возле дома Каменщикова. Сам он, обеспокоенный задержкой, спал и, услышав условный сигнал машины, выбежал вам навстречу.

– Старший лейтенант Безродный приехал? – первым долгом поинтересовался Дим-Димыч после приветствий.

– Засел в двадцати километрах, – доложил Каменщиков. – Там основательно замело дорогу. Звонил участковый уполномоченный. К утру доберется.

Двм-Димыч толкнул меня локтем и усмехнулся.

По узкой, протоптанной в снегу тропинке мы проследовали за Каменщиковым к его дому, стоявшему в глубине усадьбы.

Снегопад кончился. Поздняя луна ушла на покой, так в не показавшись. Над нами висело черное небо, и в нем плескались холодные звезды. На юге смутно проступала грива леса. Из высокой трубы дома Каменщикова тоненькой струйкой завивался дымок.

Через короткое время мы сидели в небольшой теплой комнате, оклеенной веселенькими обоями, распивали чай из урчащего самовара и слушали младшего лейтенанта Каменщикова. Предварительное расследование, произведенное органами милиции, показало, что в ночь с двенадцатого на тринадцатое февраля гражданка Кулькова дала приют в своей квартире приехавшим в город мужчине и женщине. Со станции их доставил на своей машине шофер артели «Заря» Мигалкин. Он якобы не впервые устраивал таким образом квартирантов в доме Кульковой, которая приходилась ему дальней родственницей.

Утром мужчины не оказалось, а женщину обнаружили мертвой.

Работники уголовного розыска произвели тщательный осмотр комнаты, сфотографировали покойницу, обработали и зафиксировали следы пальцев, оставленные на бутылках с вином, на куске шоколада, на спинке дивана, покрытой слоем пыли.

– Прежде всего нам надо опознать покойницу, при ней не оказалось документов, – сказал Каменщиков. – Затем выяснить, с чем мы имеем дело: с естественной смертью, несчастным случаем, убийством или самоубийством.

«Короче говоря, осталось начать да кончить, – подумал я. – Плохо то, что покойница не опознана, плохо то, что не обнаружено ничего, проливающего свет на происшествие, исключая следы пальцев, плохо, наконец, и то, что осмотр комнаты произведен до нашего приезда. И вообще все плохо».

Доктор Хоботов не задавал никаких вопросов. Он сидел в глубоком раздумье и катал на столе хлебные шарики. Судя по его упорно сдвинутым бровям, я решил, что он думает о чем-то своем, не имеющем отношения к делу, но я ошибся.

– Меры к сохранению трупа приняты? – осведомился он, когда Каменщиков кончил.

– Да.

– Какие?

– Печь не топится, форточка все время открыта. Комнату я опечатаю. Так мне посоветовали ребята из угрозыска.

Доктор кивнул и опять умолк...

14 февраля 1939 г.

(вторник)

Встали мы сегодня поздновато. Давно уже занялось зимнее утро, давно уже излучало свой негреющий свет чахлое февральское солнце, а мы только сели за завтрак. Геннадия не было... И никто не звонил. Я предложил приступить к делу, и все согласилось.

После завтрака «газик» доставил нас вместе с начальником райотделения к месту происшествия.

Двор на Старолужской улице, заваленный ворохами пиленых дров, стожками сена, заставленный пустыми телегами с поднятыми к небу оглоблями, набухал от разномастного люда.

– В чем дело? – спросил я Каменщикова.

Он объяснил, что такие необыкновенные истории, как загадочная смерть человека, происходят в городе не каждый день и, конечно, не могут не вызвать любопытства.

Мы оставили машину и направились к дому.

Он был рубленый, двухэтажный, какой-то замысловатой архитектуры и бог знает сколько лет прожил на белом свете. Во всяком случае, не меньше сотни. Крыша его с чердачными выходами угрожающе провисала на самой середине, узкие, прямоугольной формы окна смотрели косо, водосточные трубы держались на честном слове, балкончики, завешанные бельем, давно утратившим свой природный цвет, готовы были вот-вот свалиться на головы прохожих.

Войдя в дом, мы увидели облупленные стены коридора с обнаженными дранками. Тяжелый, застойный воздух, насыщенный странной смесью разнообразных запахов, сразу шибал в нос. Этими запахами пропитался не только коридор, но и стены, и заплесанная шаткая лестница, приведшая нас на второй этаж.

Внутри дом являл собой чудо старины. В нем было столько изгибов, хитрых переходов, непонятных тупиков, глухих безглазых каморок и кладовок, что новому человеку нетрудно было и заблудиться.

Пробравшись по сложным лабиринтам второго этажа, по его подгнившим, скрипящим полам, мы остановились наконец перед закрытой дверью.

Я посветил карманным фонарем. Каменщиков снял печать и отпер дверь. Мы переступили порог, и с нами вместе прошмыгнула в комнату многоцветная облезлая кошка.

Первое, что все мы увидели, – это мертвая женщина на узкой кровати, в простенке между двух окон. Только ее одну. На предметы, наполнявшие комнату, мы не обратили внимания.

Мне казалось, что женщина спит, что стоит только произнести слово, как она встрепенется, раскроет испуганные глаза и быстро натянет одеяло на свое совершенно обнаженное тело.

Казалось так потому, что она находилась в очень непринужденной позе, обычной для людей живых и неестественной для мертвых. Голова ее покоилась на высоко взбитой подушке, левая рука лежала за шеей, а правая на груди.

Мы подошли ближе к покойнице. Ни крови, ни повреждений, ни ранений, ни следов насилия и сопротивления – ничего. И само понятие «смерть» казалось здесь нелепым, нереальным, невероятным.

Женщине можно было дать от силы двадцать пять – двадцать шесть лет. Природа наградила ее красивым телом, правильными, хотя и немного крупными, чертами лица, большими, сочными, хорошо очерченными губами и черными густыми волосами, собранными в тугую

узел. Нежные, незагрубевшие руки со свежим маникюром говорили о том, что хозяйка их не знала тяжелого физического труда.

И на лице с уже побледневшим покровом кожи нельзя было подметить даже намека на какую-то муку.

Я отлично знал, что решающие выводы приходят не в начале расследования, а в конце его, и все-таки подумал: «О каком убийстве может быть речь? При чем здесь убийство?»

Доктор Хоботов, скрестив руки на груди, исподлобья смотрел в упор на покойницу, шевеля, как жук, своими проволочными усами. Потом он отвел взгляд и сказал:

– Температура отличная, форточку можно закрыть.

Каменщиков направился к окну, и в это время облезлая кошка выбралась из-под стола, примерилась и прыгнула на грудь покойной.

– Брысь! Брысь, чертова душа! – крикнул доктор.

Кошка метнулась назад под стол.

– Санитарную машину можно вызвать? – спросил Хоботов Каменщикова.

– Безусловно.

– Вызывайте! Пока она подойдет, я посмотрю эту особу, – и доктор кивнул на покойницу.

Каменщиков направился к двери.

– Я распоряжусь. – Он оглянулся на пороге. – И если не особенно нужен вам – отлучусь часа на два-три. У меня бюро райкома сегодня.

Дим-Димыч ответил за всех:

– Пока не нужны. Поезжайте!

Стуча сапогами, Каменщиков почти побежал по коридору.

Хоботов поискал глазами, куда можно пристроить шапку и пальто, и положил то и другое на диван. Затем ожесточенно потер свои большие, покрытые золотистым пухом руки, пододвинул стул к кровати, сел на него и извлек из кармана большую лупу в нарядной перламутровой оправе.

Мешать людям и отвлекать их от работы не входило в мои правила. Дим-Димыч придерживайся такой же точки зрения. Мы уже знали, что тщательный осмотр комнаты сделан, подробный отчет составлен, снимки произведены, все предметы, имеющие значение для следствия, собраны, оттиски пальцевых следов обработаны, но тем не менее решили познакомиться с квартирой и вещами, в ней находившимися.

Кроме кровати, здесь стояли хромоногий дубовый стол, два дубовых же стула с отполированными до блеска сиденьями, диван, обитый черным дермантином, и рукомойник в углу. На крышке его лежал небольшой обмылок с прилипшими к нему волосами. Штифт умывальника проржавел и не держал воды. Вся она была в ведре.

На столе остались бутылки из-под вина и водки, видимо, кроме тех, которые сочли нужным приобщить к делу, пустая банка из-под шпрот, колбасная кожура, мандариновые корки, обертки от шоколада и конфет, хлебные крошки.

Мандаринов ни в районе, ни даже в областном центре не было. Их привезли, очевидно, ночные гости с собой.

Доктор между тем занимался мертвой. Теперь она лежала уже не на спине, а на боку, лицом к стене, и Хоботов внимательно исследовал ее тело через лупу.

– Серьги ей теперь ни к чему, – сказал он, добравшись до лица и отстегивая от ушей простенькие украшения. – А следствию они, возможно, понадобятся. Натек-ка!

Дим-Димыч взял бирюзовые серьги и спрятал в карман.

Доктор встал, окинул взглядом стол и философски изрек:

– Да... Алкоголь развязывает языки и упрощает отношения. Это факт.

Мы смотрели на него, ожидая, что он скажет дальше.

Хоботов вынул из кармана небольшую плоскую флягу со спиртом, тщательно протер свои руки.

– До вскрытия я не могу предложить вам исчерпывающего объяснения, – но... – он поднял указательный палец, – но одно могу сказать уже сейчас: мы имеем дело с убийством. Ее умертвили.

– Умертвили? – недоверчиво переспросил я. – Вы уверены?

– Сомнительно, – высказался Дим-Димыч.

– Абсолютно уверен, – твердо заявил доктор. – Она не по собственному желанию покинула лучший из миров. По всему видно, что она даже не заметила, как очутилась на том свете. Вернее, не почувствовала. Смерть пришла мгновенно. Кроме того, она была сильно пьяна. Возможно, до бесчувствия. А женщина, скажу вам, первосортная. Ее бы в натурщицы хорошему мастеру...

В коридоре послышался топот, а затем стук в дверь.

Я разрешил войти.

Двое санитаров с носилками вошли в комнату.

– Морг в вашем городе существует? – обратился к ним доктор.

– А как же без морга? – весело ответил один из санитаров.

– Отлично, – кивнул доктор. – Везите эту красавицу в морг. И я с вами. А вы где будете? – спросил он меня.

Я посоветовал Дим-Димычу поехать на вскрытие, а сам решил отправиться в районное отделение. На том и договорились.

Мертвую вынесли и уложили в машину. Доктор и Дим-Димыч залезли туда же. Машина побуксовала у ворот и выехала со двора.

Я отправился в райотделение, засел в кабинете Каменщикова и распорядился вызвать ко мне на допрос Кулькову и Мигалкина.

Нужно отдать справедливость работникам милиции, занимавшимся расследованием: они отнеслись к делу внимательно и добросовестно. В документах, которые лежали передо мною на столе, можно было найти все, вплоть до мелочей: время прибытия в комнату, расположение окон и дверей, мебели, положение мертвой. В отчете осмотра я нашел ответы на все элементарные вопросы, предусмотренные расследованием. Большое внимание было уделено отысканию следов преступления, отпечаткам пальцев. В папке лежало много фотоснимков и карт с уже обработанными пальцевыми следами.

В материалах не было, однако, самого главного – указаний на то, кто же такая убитая и кто ее убийца.

Скрывать нечего: меня охватило состояние внутренней растерянности. Что же делать? С чего мне начинать? Как опознать убитую? Что мне дадут пальцевые отпечатки? Зачем я вызвал Кулькову и Мигалкина, которые уже подробно допрошены и с показаниями которых я уже познакомился? Не ошибается ли Хоботов, утверждая до вскрытия, что мы имеем дело с предумышленным убийством?

Мысли мои растекались, как ртуть. Я ощутил потрясающую беспомощность, от которой тоскливо сжималось сердце. Дело представлялось мне неразрешимой загадкой. В это время дверь открылась и вошел Безродный.

– Здравствуй, товарищ лейтенант! – сухо и официально приветствовал он меня.

Я встал.

– Здравствуй, товарищ старший лейтенант!

Безродный обвел нетерпеливым взглядом комнату, снял с себя шинель, шапку (он был в форме) и, пододвинув к горящей печи стул, сел на него.

Он молчал, потирая озябшие руки, и смотрел, как в открытом жерле печи перегорают и с легким шуршанием распадаются березовые поленья.

Странное дело! Скажу откровенно: приезд Геннадия обрадовал меня. Тут, видно, сказала застарелая болезнь, свойственная многим людям, – скрытое преклонение перед начальством. Страдал, оказывается, этим недугом в известной мере и я. Мне думалось: Геннадий не лейтенант, а старший лейтенант, не начальник отделения, а начальник отдела. То, что для меня составляет непреодолимую трудность, для него, возможно, пустяк. Значит, в нем есть что-то такое, что позволяет ему руководить большим коллективом. А Дим-Димыч и я не замечаем у него этого самого «что-то такое». Наконец, его терпят и держат в занимаемой должности. Значит, он оправдывает себя, значит, он умнее и способнее, чем мы думаем. Если я не вижу звена, за которое сейчас следует ухватиться, то он, возможно, увидит. Большому кораблю – большое плавание...

После продолжительного молчания Геннадий повернулся ко мне и спросил:

– Как дела?

– Плохи.

– Где лейтенант Брагин?

Я ответил.

– Та-а-к... – протянул Геннадий. – Ну-ка, введите меня в курс событий.

Я рассказал все, что знал, и не скрыл своих сомнений; выкладки и доводы проиллюстрировал показаниями уже допрошенных свидетелей, актами осмотра, приобщенными к делу вещественными доказательствами. В заключение счел нужным подчеркнуть, что личность убитой, как и личность убийцы, окутывает непроницаемый мрак.

– Стало быть, мы имеем дело с убийством? – проговорил Геннадий.

– Да... Так утверждает Хоботов.

– А ваша точка зрения? – поинтересовался Геннадий.

– Она не совпадает с точкой зрения Хоботова. Я склонен полагать, что здесь или внезапная естественная смерть, или самоубийство.

– Хм... Сомнительно, – возразил Геннадий. – И в том, и в другом случае партнеру, сопровождавшему покойную, не имело никакого смысла скрываться.

– Пожалуй, да, – вынужден был я согласиться с резонным доводом.

Геннадий громко откашлялся, встал со стула, прошелся по комнате и нравоучительно заметил:

– Вообще, товарищ лейтенант, никогда не надо ничего усложнять и преувеличивать... – Он умолк на мгновение и, посмотрев в замерзшее окно, добавил: – От нас требуется объяснить необъяснимое, так вы, кажется, считаете? Что ж... мы попытаемся это сделать.

В его тоне мне почудилась уверенность, будто следствие пало по меньшей мере на горячий след преступника. Настроение мгновенно улучшилось. Появление Геннадия и наш короткий разговор послужили для меня бодрящей разрядкой.

– Первым долгом я хочу прочитать все сам, – сказал он между тем и занял за столом место, которое я предупредительно освободил.

Геннадий только раскрыл папку, как дверь без шума открылась и в кабинет вошел шофер райотделения. Не зная Безродного, но видя в нем старшего по званию, он испросил у него разрешения обратиться ко мне и сказал, что приехал за мной от доктора Хоботова.

Я перевел взгляд на Геннадия.

– Вместе поедem, – сказал он без колебаний и начал одеваться...

В тылах большого больничного двора, в мрачном каменном помещении с низким потолком и влажными стенами, мы нашли Хоботова и Брагина.

Доктор, облаченный в клеенчатый фартук, сидел на табуретке. Рядом стоял Дим-Димыч. Оба они курили.

Посреди комнаты на высоком железном тонконогом столе, прикрытая не совсем чистой бязевой простыней, лежала та, которая неожиданно покончила счеты с жизнью в доме на Ста-

ролужской улице. Видны были только ее свисающие распущенные волосы и ступни с пожелтевшими пятками.

Кроме нее, на голых топчанах вдоль стены лежали еще три ничем не прикрытых труп.

Я представил Хоботову Безродного. Доктор поклонился, но руки не подал – она была в резиновой перчатке.

Неистребимый, всюду проникающий сладко удушливый запах разложения человеческих тел мгновенно вошел в меня и тугим комком застрял в носоглотке.

– Закурите, так лучше будет! – заметив мое состояние, посоветовал Хоботов и показал на пачку папирос, лежавшую на подоконнике.

– Вы уже в курсе дела? – спросил он Безродного.

– Примерно.

– Отлично! Сейчас мы выясним, ошибся я или нет. Прошу сюда!

Доктор подошел к тумбочке, на которой стояла большая стеклянная банка с широким горлом, наполненная водой, и в ней плавало что-то.

– Так вот... – вновь заговорил Хоботов. – Что эта милая особа к моменту смерти была в состоянии сильного опьянения – установленный факт. Не так ли, товарищ Брагин?

– Да-да... – подтвердил Дим-Димыч немного возбужденным, как мне показалось, голосом.

– Что ее умертвили, – продолжал Хоботов, – тоже факт. А сейчас мы попытаемся получить ответ на главный вопрос: как ее умертвили? Что это, по-вашему? – Доктор ткнул пальцем в горловину банки, освещенной яркой двухсотсвечевой электрической лампой.

Я приблизился к тумбочке, наклонился и увидел плавающий синевато-красный ком.

– Сердце!

– Отлично! – подтвердил Хоботов. – Хорошее, молодое, совершенно здоровое и уже никому не нужное сердце. Оно-то, надеюсь я, и сослужит нам последнюю службу. Теперь внимание! Сейчас я вскрою сердце в воде, а вы наблюдайте. Это очень важно и, главное, неповторимо. Если вверх побегут пузырьки, шарики воздуха, – я окажусь прав в своем предположении. Смотрите!..

Я отвел назад руку с дымящейся папиросой и стал ждать. Напряжение я подметил и во взглядах Безродного и Брагина.

Доктор просунул, не без усилий, свою левую руку в банку, захватил крепко сердце, а правой сильным надрезом полоснул его чуть не надвое. И тут же кверху цепочкой устремились один за другим прозрачные воздушные шарики...

– Вот-вот! – воскликнул Дим-Димыч.

– Прекрасно видно, – добавил Безродный.

– Фу! – облегченно и шумно вздохнул доктор. – Что и требовалось доказать. Задача решена. Ответ найден.

Он бросил на тумбочку нож, отряхнул с рук воду и начал стаскивать перчатки.

– Теперь я могу сказать точно, что покойной, когда она после выпитого была в полуобморочном состоянии, при помощи обычного шприца и очень тонкой иглы пустили в просвет вены несколько кубиков обычного воздуха. И все. Этого более чем достаточно для мгновенной смерти. Сердце не терпит воздуха. Произошла эм-бо-ли-я. Слышали?

Мы переглянулись. Для нас это медицинское слово было вновь.

– Это отнюдь не изобретение, – пояснил Хоботов. – Старо как мир.

– А как вы догадались? – заинтересовался Дим-Димыч. – Что вас натолкнуло на первоначальную мысль?

Доктор пригласил нас к высокому столу, извлек из кармана свою лупу, подал ее Дим-Димычу и сказал:

– Смотрите сюда. Внимательно, – он указал на локтевой изгиб покойницы. – Что видите?

– Малюсенькую, едва приметную точку, – ответил мой друг.

– Вот-вот. Скоро она совсем исчезнет. Тут и вошла игла. Если бы я появился на свет божий не пятьдесят семь лет назад, если бы мне не довелось повидать на своем веку такие и им подобные штучки, я бы тоже не заметил точки.

Он задернул простыню, подошел к крану с водой и стал тщательно намыливать руки...

Полчаса спустя, проводив Хоботова на станцию, я и Дим-Димыч направились в райотделение. В коридоре мы увидели взволнованных свидетелей.

На ходу я сказал другу:

– Безродный уверен. Это меня радует. Мозги у него все-таки есть.

– Боюсь, что у него их больше в костях, нежели в голове, – отпарировал Дим-Димыч.

Мы прошли в кабинет, где Безродный сосредоточенно изучал материалы дела.

– Свидетели давно уже здесь, – напомнил я.

Геннадий оторвался от бумаг и сказал:

– Точнее, обвиняемые, а не свидетели.

Я и Дим-Димыч переглянулись. Такое заключение нас несколько озадачило. Оно было неожиданным и, пожалуй, смелым.

Спустя несколько минут я впустил в кабинет костлявое и нескладное существо с решительным, если не наглым, выражением лица.

– Я Кулькова, – представилось оно. – Олимпиада Гавриловна.

– Садитесь! – сказал Безродный.

Кулькова села не сразу, она попросила разрешения снять пальто и прошла к стенной вешалке в углу.

Это была плоская спереди и сзади женщина, высокого роста, с несоразмерно тонкими ногами, оканчивавшимися удивительно большими ступнями. Ноги ее жалко болтались в полах короткого платья, из-под которого торчал конец нижней юбки. Чулки с вывернутыми швами напомнили мне крученые ножки гостинного столика. Удлиненную, расширяющуюся книзу голову украшала редкая растительность, сквозь которую просвечивала белая кожа. На одной щеке, у ноздри, и под ухом красовались две крупные и совершенно черные бородавки.

Наконец она села и положила руки на стол.

– Вам предоставляется возможность сказать всю правду, – начал Геннадий с холодным и глубоким презрением в глазах. – Если вы этой возможностью не воспользуетесь сейчас, больше уже никогда ее не получите.

– Вы это о чем? – осведомилась Кулькова.

Геннадий нахмурил брови.

– Не валяйте дурака! Мы люди русские и обязаны понимать друг друга.

Кулькова часто-часто заморгала глазами.

– Поняли? – спросил ее Геннадий.

Она решительно потрянула своей лошадиной головой.

– Вы должны говорить только правду, – напомнил Геннадий.

– Я и говорю правду... только правду.

– Пока вы ничего не говорите. На первом допросе вы заявили следующее, я привожу дословно ваши показания: «Убедившись, что дверь комнаты заперта изнутри и на мой стук никто не отзывается, я перепугалась и побежала звать участкового уполномоченного милиции». Так?

– Сущая правда. Так и было.

– В котором часу это произошло?

– Совсем рано.

– Точнее.

– Ну, совсем рано... Часов, однако, в семь.

– А что заставило вас чуть свет стучать в дверь ваших квартирантов?

– Кошка, – последовал ответ.

– Что? – блеснул глазами Геннадий.

– Кошка. Моя кошка.

Я, честно говоря, начал сомневаться в умственных способностях свидетельницы.

– При чем здесь кошка? – сдерживая раздражение, громко произнес Геннадий.

– При всем, – ответила Кулькова. – Она с вечера осталась в комнате, а потом размяукалась так, что у меня мурашки по спине забегали. Я потрогала дверь и крикнула: «Кошку выпустите! Нагадит она». А никто не отозвался. Я начала стучать, а квартиранты не подают голоса. Я перепугалась: обокрали, думаю, мене ночные гости, сами утекли, а кошку заперли! И подалась за участковым. Ну, потом дверь долой и увидели ее, сердешную. Лежит себе одна, а его и след простыл...

– А кто же мог изнутри запереть дверь? – попытался уточнить Геннадий.

– Никто изнутри не запирает. Я так думала поначалу. Это ее хлюст запер дверь снаружи на ключ...

– И вы не слышали, когда он ушел?

Кулькова опять тряхнула головой.

– Вот что, гражданка Кулькова, – растягивая слова, проговорил Геннадий. – Не стройте из себя казанскую сироту. Бесполезно... Мы вас хорошо знаем. Вы сектантка-вербовщица. В тридцать первом году по заданию «хлыстов» сожгли семь гектаров пшеницы на Кубани. В том же году утопили в реке Челбас двух новорожденных близнецов и были приговорены к пяти годам заключения. Вы преступница! И если думаете, что мы верим в ваше перерождение, то глубоко ошибаетесь. Выбирайте: или опять тюрьма, или душу наизнанку! Эта особа закрыла глаза не без вашей помощи. Это так же точно, как и то, что сейчас день. Выкладывайте все начистоту!..

Кулькова вытаращенными глазами уставилась на Безродного. Язык отказался повиниться ей. Она молчала, застыв в каком-то оцепенении, видимо, переваривая длинную фразу.

Дим-Димыч, исполнявший обязанности секретаря, записал вопрос и ждал ответа.

Кулькова продолжала молчать и смотрела, почти не мигая.

Прошла минута, две. Дим-Димыч нацарапал на листке бумаги несколько слов и подsunул мне.

Я прочел: *«Через женщину продолжается человеческая жизнь. И через эту тоже. Представляешь?»*

– Ну?! – нетерпеливо крикнул Геннадий. – Я вызвал вас не для того, чтобы любоваться вашей красотой. Отвечайте! Как звали убитую? Где сейчас скрывается ее попутчик? Фамилия его? Нам все это известно, но мы ждем подтверждения от вас.

Я содрогнулся.

Это был ненужный, дешевый прием, ставящий следствие в нелепое положение. Умный свидетель мог бы ответить: если вам все известно, так зачем же спрашивать? Но Кулькова умом не блистала. Она в отчаянии замахала руками и заголосила:

– Да что же такое творится?.. Что вы от меня хотите? Никакая я не злодейка... Что было, то было и прошло, а тут чистая я, как росинка. Не знаю я никого и рук не прикладывала... Что хотите, то и делайте.

Геннадий пристукнул кулаком по столу:

– Не морочьте мне голову! Я хочу знать фамилии ваших ночных гостей...

Одного хотения, увы, было недостаточно. Кулькова не знала своих гостей. Она божилась, крестилась, клялась и под конец разревелась. И хотя весь облик Кульковой вызывал во мне глухую и все возрастающую антипатию, я был глубоко убежден, что она и в самом деле непричастна к преступлению.

Дим-Димыч вторично подsunул мне клочок бумаги, и я прочел: *«Стрельба из пушки по воробьям. Она ни при чем»*.

Мы потратили на разговор с ней два с лишним часа и к допросу, снятому сотрудником угрозыска, не прибавили ни одной подробности, если не считать эпизода с кошкой.

Вслед за Кульковой вызвали шофера Мигалкина. Это был очень смышленный молодой человек, отлично понимающий, что его короткая, но трудная биография обязывает его быть особенно разборчивым в выборе средств к достижению своей цели. А жизненная цель его предельно ясна. Он изложил ее доходчиво и кратко. Сейчас он шофер второго класса, а к концу года получит первый. Через год попытается поступить в институт, хочет стать инженером-автомобилистом, возможно – конструктором. И только. Ни больше ни меньше. Что отец его эмигрант, враг советского строя – он не скрывал и не намерен скрывать. Они расстались навсегда. Подобно отцу, он мог стать чиновником, или коммерсантом, или переводчиком у японцев. Японским языком он владеет почти так же, как русским. Он мог, наконец, остаться на той стороне. Хотя в Россию его никто не приглашал, но и из Харбина не выгоняли. Он уехал по собственной воле и считает, что это первый действительно верный шаг в его самостоятельной жизни. Был ли отец против его отъезда? Нет! Больше того, именно отец первый подал ему эту мысль. Он сказал: «Ты, Серафим, русский, родился в России, должен жить и умереть там». За эти слова ему превеликое спасибо. Сам отец не собирается возвращаться на родину. У него свои счета с советской властью. До революции он был видным чиновником, состоятельным человеком, имел трехэтажный дом в Воронеже, прекрасную дачу в Ялте, приличный счет в банке. В шестнадцатом году он перебрался в Москву, купил скромный домик из девяти комнат с чудесным садом и, главное, автомобиль. Автомобиль французской марки, о котором мечтал долгие годы. И все это через год вылетело в трубу. А тут еще политические разногласия... Помирить кадетов и большевиков было невозможно, а старик был активным членом партии кадетов.

Вот так... Значит, с отцом у Мигалкина дороги разошлись...

Если следствие хочет знать, почему он остановился на профессии шофера, ответить нетрудно: еще мальчишкой тянулся к ней, любил ее и не думал ни о чем другом.

Знает ли он о том, что школа в Харбине, которую он окончил, готовила диверсантов и террористов? Точно не знает. Ходили слухи. Но ему лично никто и никогда никаких предложений не делал.

По делу, которое интересует следствие, готов сообщить все без утайки. Да, он действительно подвез на своей трехтонке со станции в город в ночь с двенадцатого на тринадцатое февраля двух пассажиров: мужчину и женщину. Нет, сам он не набивался. Наоборот, они напросились. Встретился с ними на перроне часа три спустя после прихода поезда возле багажного склада, где получал четыре ящика с запасными частями.

Мужчина спросил его, где можно остановиться приезжим. Мигалкин ответил, что гостиницы в городе нет, приезжие устраиваются кто как может, но он знает одну квартирную хозяйку, у которой раньше жил. Речь шла о Кульковой. Мужчина согласился – на том и порешили. Перед тем, как отправиться в путь, мужчина обратился со вторым вопросом: не слышал ли Мигалкин о ветвраче Проскурякове, жителе города? Мигалкин не знал Проскурякова.

О Кульковой он может сказать, что это особа жадная и сварливая. Живет на доходы от двух коров и квартиры, которую сдает приезжим. В прошлом она совершила какие-то преступления, о которых рассказывает очень туманно и без особого желания. Кулькова – женщина со странностями. Супружеской жизни не признает, но очень любит детей. Совершенно не употребляет в пищу мяса, однако пристрастна к спиртным напиткам.

Знала ли Кулькова мужчину и женщину, что приехали ночью в город? Нет, не знала. В этом Мигалкин уверен.

Может ли он описать внешность незнакомца? Конечно! Он хорошо разглядел его. Это мужчина лет тридцати пяти, выше среднего роста, с запоминающимся, открытым, энергичным, гладко выбритым лицом и большим лбом. Недурен собой. На таких обычно обращают внимание.

Вот все, что рассказал Мигалкин. И это было уже известно по материалам допроса уголовного розыска.

Геннадий попытался для большего воздействия повысить голос, но Мигалкин спокойно и вежливо предупредил его:

– Можно говорить тише. У меня отличный слух.

В конце допроса Геннадий снова применил, как и в разговоре с Кульковой, провокационный ход.

– Мы располагаем данными, что вы не случайно встретились с попутчиками на станции, а ездили встречать их.

Мигалкин опять-таки очень вежливо и резонно ответил:

– Если об одном и том же двое говорят по-разному, то кто-то из них лжет и пытается ввести следствие в заблуждение. В ваших силах проверить как мои показания, так и данные, о которых вы упомянули. И тот, кто лжет, получит удовольствие познакомиться со статьей, о которой вы предупредили меня перед допросом...

Нет-нет... Мигалкин был парень очень смысленный, рассудительный, и Геннадий, мне думается, понял это.

Когда мы остались одни, а это произошло около одиннадцати ночи, Безродный сказал:

– Надо во что бы то ни стало расколоть эту контру.

– Кого конкретно вы имеете в виду? – счел нужным уточнить я.

– Обоих, – угрюмо ответил Безродный.

– Вы уверены, что они контрреволюционеры?

– Я убежден, что они соучастники преступления. Налицо сговор.

– Так вы убедите и нас в этом, товарищ старший лейтенант! – попросил Дим-Димыч.

– Постараюсь, – ядовито заметил Безродный и посмотрел на стенные часы. – Теперь отдыхать. Завтра с утра вы, товарищ Трапезников, загляните в берлогу Кульковой и побеседуйте с жильцами. А вы... – Он повернулся к Брагину.

– Я хочу предложить... – неосторожно прервал его Дим-Димыч, но Геннадий не дал ему высказаться.

– Вы будете делать то, что прикажу я. Договоритесь в больнице, чтобы труп убитой положили в ледник и сохранили. Это раз. Сходите в автохозяйство, где работает Мигалкин, и возьмите на него характеристику. Это два. Установите, живет ли в городе ветврач Проскуряков, и соберите сведения о нем. Это три. Договоритесь с уголовным розыском, чтобы размножили фото убитой. Это четыре. Пока все. Ясно?

– Предельно, товарищ старший лейтенант! – ответил Дим-Димыч.

15 февраля 1939 г.

(среда)

Утром каждый занимался своим делом. Дим-Димыч отправился в больницу. Безродный опять вызвал на допрос Кулькову, а я пошел на Старолужскую улицу.

Какое-то чувство подсказывало мне, что я понапрасну трачу время.

Стоило только переступить порог входной двери, как весь дом ожил и зашевелился, словно встревоженный муравейник. По коридорам зашлепали босые ноги, зашаркали башмаки, началось многоголосое шушуканье.

Я постоял некоторое время, осваиваясь с полумраком, и постучал в первую дверь налево.

Меня встретила улыбающаяся женщина. С ее разрешения я вошел в комнату, сел на расшатанный стул и повел беседу. За стеной в коридоре все время улавливались какие-то подозрительные шорохи. Они меня нервировали. Я шагнул к двери, толкнул ее: прилипнув к косяку, стояла курносая девчонка лет двенадцати.

– Ты что здесь торчишь? – строго спросил я.

Она прыснула, прикрыла рот рукой и убежала...

Я обошел шесть квартир и покинул злополучный дом уже под вечер, усталый и голодный.

Предчувствие мое оправдалось. Ничего интересного беседы не дали. О Кульковой говорили всякие небылицы, но к делу это не имело никакого отношения.

Наконец дом на Старолужской улице остался далеко позади, и я вернулся в районное отделение.

Дим-Димыч все поручения Безродного выполнил. Автохозяинство дало Мигалкину блестящую характеристику.

Ветврач Проскуряков Никодим Сергеевич действительно жил в городе, но совсем недавно, месяц назад, умер.

Доложить результаты Безродному сразу не удалось. Запершись в кабинете, он что-то печатал на пишущей машинке.

Пользуясь передышкой, мы – я, Дим-Димыч и Каменщиков – сели в дежурной комнате и стали обмениваться мнениями. Для меня было ясно, что следствие зашло в тупик. Руководство управления допустило ошибку, согласившись с доводами Каменщикова и приняв это дело в свое производство. Пока я не видел под ним никакой политической подоплеки.

Вот если бы к убийству имели непосредственное отношение Мигалкин и Кулькова, тогда можно было бы что-то предполагать, подозревать. А сейчас вся эта таинственная история оборачивалась самым банальным образом. По-видимому, муж решил избавиться от своей благоверной – мало ли причин к этому, – завез ее в глубокую провинцию и тут совершил свой злодейский замысел. Правда, он почему-то прибег к такому необычному способу, как эмболия, но тут уж дело вкуса. Кому что нравится!

Я высказал свое мнение Каменщикову и Дим-Димычу и добавил, что было бы правильно немедленно возвратить все материалы уголовному розыску.

Каменщиков запротестовал. Он, как и Безродный, придерживался точки зрения, что и Кулькова, и Мигалкин причастны к убийству, и был против возвращения материалов органам милиции.

Дим-Димыч согласился с Каменщиковым в той части, что материалы не следует возвращать милиции, по крайней мере до той поры, пока не станет окончательно ясно, что налицо чисто уголовное преступление. А относительно причастности к убийству Кульковой и Мигалкина мнение его не расходилось с моим.

– Мы должны, – сказал Дим-Димыч, – наметить себе минимум и осуществить его. Этим минимумом я считаю опознание убитой и установление личности ее спутника. Только тогда нам, возможно, удастся определить, с чем мы столкнулись: с уголовным или политическим преступлением. А сейчас мы топчемся на месте.

Младший лейтенант Каменщиков кивнул головой:

– Полностью согласен с вами, товарищ Брагин. Что же предпринять, чтобы выполнить этот минимум?

– Подумать надо, – ответил Дим-Димыч. – Задача складывается из двух частей: из опознания убитой и установления личности живого. Я бы на вашем месте мобилизовал сейчас все возможности и попытался выяснить: покинул город этот таинственный субъект или скрывается здесь? Можно это проделать? Безусловно. Давайте рассуждать так: предположим, незнакомец покинул город тотчас после убийства. До станции, кажется, семьдесят километров?

Каменщиков снова кивнул.

– Он мог рискнуть добраться пешком, но едва ли, – продолжал Дим-Димыч. – Скорее всего, воспользовался попутной машиной. Если так, то он облегчил не только свой путь, но и нашу задачу. Выяснить, чьи машины за эти двое суток ходили в сторону вокзала, не такая уж сложная задача. Наконец, его могли видеть на станции. Ведь говорит же Мигалкин, что у незнакомца запоминающаяся физиономия. Он покупал билет. Он ходил по перрону в ожидании поезда. Возможно, заглянул в буфет. Пассажиров на вашей станции не густо, и новый человек легко запоминается.

Мысль Дим-Димыча мне понравилась, и я попытался развить ее:

– А если он направил свои стопы не на станцию, а в другую сторону, то все равно прибег к машине.

– Конечно! – согласился Каменщиков.

Мы с увлечением принялись обсуждать новый вариант, и в это время вошел Безродный со стопкой бумаг под мышкой.

Он выслушал поочередно меня и Дим-Димыча и сказал:

– Я предлагаю арестовать Мигалкина.

Мы остолбенели от неожиданности.

– Предложение по меньшей мере неостроумное, – не сдержался Дим-Димыч.

– Об этом разрешите думать мне, – ответил Геннадий.

– Думайте, сколько вам угодно, товарищ старший лейтенант, – не остался в долгу Дим-Димыч, – но разрешите и мне иметь собственное мнение.

– Разрешаю, – съязвил Геннадий. – Только не носитесь со своим мнением, как с писаной торбой. На вас напала куриная слепота. Именно слепота! Кулькова призналась и дала показания, что была предупреждена Мигалкиным о появлении ночных гостей.

Лицо у меня, кажется, вытянулось. Раскрыл глаза пошире, чем обычно, и Дим-Димыч. Ни он, ни я, конечно, не могли и предполагать такого поворота дела.

– Что вы скажете теперь? – обратился к Дим-Димычу Геннадий.

– Ничего, – коротко изрек тот. – Прежде всего я посмею испросить вашего разрешения и ознакомиться с показаниями Кульковой.

– Пожалуйста! – с усмешкой ответил Геннадий, подал Дим-Димычу протокол, а сам достал портсигар и закурил.

Да, действительно, в протоколе черным по белому было записано, что Мигалкин, прежде чем отправиться на вокзал, зашел на квартиру к Кульковой и предупредил, что привезет двух гостей: мужчину и женщину. И все. Но, кажется, достаточно и этого. Значит, Мигалкин не тот парень, за которого я и Дим-Димыч его приняли. Значит, правы Безродный и Каменщиков.

– Кулькова тверда в своих показаниях? – спросил Дим-Димыч.

– Как это понять? – задал встречный вопрос Геннадий.

Дим-Димыч подумал, подыскал более мягкую формулировку и спросил:

– Не колеблется?

– Это не наше дело. Что записано пером, того не вырубишь топором.

Дим-Димыч пожал плечами:

– Не находите ли вы целесообразным, прежде чем арестовать Мигалкина, сделать ему очную ставку с Кульковой?

– Не исключаю, – заявил Геннадий. – Очная ставка неизбежна.

– Тогда следует допросить Кулькову еще раз, – пояснил свою мысль Дим-Димыч.

Геннадий вскинул брови и насторожился:

– Зачем?

– Чтобы уточнить ряд деталей, без которых очная ставка может превратиться в пшик...

– Именно?

– Следствие должно точно знать, в какое время суток зашел Мигалкин к Кульковой, кто может подтвердить его визит, иначе на очной ставке Мигалкин положит Кулькову на обе лопатки. А этого в протоколе нет.

Безродный задумался.

– Во всяком случае, – заговорил он наконец, ни к кому конкретно не обращаясь, – эти подробности можно уточнить в процессе самой очной ставки.

Тут вмешался я:

– Рискованно...

– Вот именно! – присоединил свой голос Дим-Димыч. – И к тому же тактически неправильно и, если хотите, неграмотно. Прежде чем допрашивать подозреваемых на очной ставке, мы сами должны знать, что ответит на этот вопрос Кулькова. Это же очень важно.

– Даже очень? – сыронизировал Геннадий.

– Безусловно! – подчеркнул Дим-Димыч. – Вы знаете, что такое алиби?

– Допустим, – заметил Геннадий с той же иронией.

– Предположите на минуту, что на вопрос, в какое время к ней заходил Мигалкин, Кулькова ответит – в семнадцать часов, – продолжал рассуждать Дим-Димыч.

– Ну... – затягиваясь папиросой, буркнул Геннадий.

– А Мигалкин рассмеется ей в лицо и заявит: «Не фантазируйте. Олимпиада Гавриловна, именно в это время я сидел на производственном совещании в автобазе».

– А мы проверим, – вставил Каменщиков.

– Конечно, проверим, – согласился Дим-Димыч. – Но прежде чем мы это сделаем, очная ставка будет провалена.

Дим-Димыч был прав. Это понимал я, понял Каменщиков и должен был понять Безродный. Но я ошибся, Безродный не хотел понимать. Он отмел разумные предложения Дим-Димыча.

– Не будем залезать в дебри и делать из мухи слона. Если бы да кабы, да во рту росли грибы... Мигалкин не выкрутится. За это я могу поручиться. И как только его загребем – сразу заговорит. А загребать его надо, не теряя времени.

– Без очной ставки? – спросил Дим-Димыч.

– А что? – удивился Геннадий.

– Никакой мало-мальски уважающий себя прокурор не даст нам санкцию на арест Мигалкина, – твердо проговорил я. – Почему мы должны не верить Мигалкину и, наоборот, верить Кульковой, показания которой ничем не документированы?

– Попробуем обойтись без прокурора, – безапелляционно произнес Геннадий. – Нам за это головы не снимут, а вот если Мигалкин скроется или сговорится с Кульковой и заставит ее отказаться от своих показаний, то холки нам намнут основательно.

– Я не вижу оснований нарушать революционную законность, – решительно заявил Дим-Димыч. – А посему убедительно прошу вас, товарищ старший лейтенант, отстранить меня от участия в следствии.

Молодец Дим-Димыч! Смело, но правильно, правдиво, честно.

Геннадий, кажется, на минуту растерялся, но быстро взял себя в руки и зло сказал:

– Лучше поздно, чем никогда. Можете считать себя свободным. – И, посмотрев на часы, обратился к Каменщикову: – Обеспечьте лейтенанта Брагина транспортом до станции.

Дим-Димыч молча кивнул и, повернувшись на каблуках, вышел. Геннадий взял со стола протокол, подал его мне и спросил:

– Надеюсь, вы не повторите глупость своего дружка?

– Не надейтесь, – сказал я значительно мягче, чем Дим-Димыч. – Я, пожалуй, тоже уеду...

Геннадий деланно рассмеялся.

– Не смею вас задерживать... Труссы в карты не играют. – Он взял из моих рук протокол, отдал его Каменацикову и тоном приказа предложил: – Пишите постановление...

16 февраля 1939 г.

(четверг)

Поздно ночью меня и Дим-Димыча слушали Осадчий и Кочергии. Как мы и рассчитывали, Геннадий связался с управлением по телефону и предупредил майора Осадчего обо всем, что произошло. По выражению лица начальника управления видно было, что он не одобряет наше поведение. Капитан Кочергин молчал, лицо у него было непроницаемое.

Мы доложили все, что считали нужным. По нашему мнению, Безродный, не исчерпав всех возможностей для опознания убитой и установления убийцы, стал на неправильный, незаконный путь и пытался толкнуть на него нас.

Осадчий спросил, что мы имеем в виду под возможностями, которые игнорировал Безродный.

Дим-Димыч подробно изложил наш план действий.

– С этого и надо бы начинать... – заметил Кочергин.

– Да, пожалуй, – без особенного энтузиазма согласился майор Осадчий и обратился ко мне: – Ваше предложение?

– Если Мигалкин арестован, освободить его, – сказал я. – А все материалы передать органам милиции.

– А вы что скажете, товарищ Брагин?

– С первой частью предложения товарища Трапезникова я согласен, – произнес Дим-Димыч. – А со второй нет. Мне думается, что до опознания убитой и установления личности убийцы возвращать дело органам милиции не следует.

– Так-так... – неопределенно произнес Осадчий. – Ну хорошо. Можете быть свободными...

Мы покинули кабинет.

Теперь следует рассказать, о том, что произошло в промежутке между нашим разговором с Безродным в райотделении и докладом у начальника управления.

Когда мы уже сели в «газик», чтобы отправиться на вокзал, Дим-Димыч решил заглянуть к Кульковой и уточнить ее показания о Мигалкине. Я, хотя и не без сопротивления, согласился. В доме на Старолужской улице мы пробыли ровно столько, сколько потребовалось, чтобы задать Кульковой два вопроса и получить на них ответы. На первый вопрос Дим-Димыча, когда и в какое время суток Мигалкин предупредил ее о том, что доставит ей квартирантов, Кулькова, подумав немного, ответила: «Произошло это двенадцатого февраля утром, примерно между девятью и десятью часами». На второй вопрос, кто может подтвердить этот факт, Кулькова заявила: «Об этом лучше всего спросить самого Мигалкина». Она была еще в постели и не может сказать, кто видел его входящим в дом.

Дим-Димыч приказал шоферу везти нас в автохозяйство. Мигалкина там не оказалось. Дежурный нарядчик дал нам домашний адрес Мигалкина, и мы отправились к нему на квартиру.

Наш визит его нисколько не смутил, и я отметил про себя, что так может вести себя человек с большой выдержкой или абсолютно не чувствующий за собой никакой вины.

– Где вы были двенадцатого февраля утром? – спросил Дим-Димыч.

– Утром? – переспросил Мигалкин. – В шесть часов или немного раньше я выехал на своей трехтонке в совхоз имени Куйбышева и вернулся в город, когда уже стемнело. В хозяйстве мне передали телефонограмму директора с приказом получить груз Гутапсбыта. Не заезжая домой, я перекусил у механика и поехал на станцию.

– А до совхоза далеко? – поинтересовался я.

– Двадцать восемь километров.

– Что же вы делали там весь день?

Мигалкин охотно объяснил. Автобаза взяла у совхоза мотор на капитальный ремонт. После ремонта мотор обкатали на стенде, отвезли и помогли установить на полуторку. Все это заняло немало времени...

Мигалкин отлично понимал, что наши вопросы вызваны не простым любопытством. И когда возникла необходимость подтверждения этих сведений, он улыбнулся, надел шапку, пальто и сказал:

– Поедьте... Сейчас вам все станет ясно. Через несколько минут машина подвезла нас к приземистому рубленому домику, засыпанному до самых окон снегом.

Как только мы вышли из «газика», огромный, свирепого вида пес с хриплым лаем заметался по небольшому дворику.

Из дома вышел пожилой седоголовый мужчина с отвисшими, как у Тараса Шевченко, усами и направился к машине.

– Это наш механик и секретарь парторганизации товарищ Омельченко, – сказал Мигалкин. – Задайте ему тот вопрос, который вы задали мне.

– Прошу, заходите, – пригласил нас Омельченко. – Иди прочь, Шавка! – прикрикнул он на собаку. – Черт тебя мордует...

– Спасибо, мы торопимся на поезд, – пояснил Дим-Димыч. – Вы нам нужны на одну секунду...

Омельченко загнал пса в сени дома и вышел уже в шапке и полушубке, накинутом на плечи.

– Просим прощения за неожиданный визит и беспокойство, – обратился Дим-Димыч к Омельченко. – Нас интересует маленькая подробность: где весь день двенадцатого февраля был ваш шофер товарищ Мигалкин?

– Двенадцатого февраля? В воскресенье?

– Совершенно верно.

Омельченко посмотрел с некоторым недоумением на Мигалкина:

– А чего же вы не спросите его?

Мигалкин усмехнулся:

– Так, видно, надо, Сергей Харитонович...

Омельченко покачал головой и, извлекая из кармана кисет с табаком, сказал:

– Он был в совхозе. Со мной вместе, в совхозе. Мотор мы туда возили и устанавливали на машину. Это вас устроит?

– Вполне, Сергей Харитонович, – проговорил Дим-Димыч.

– А в котором часу вы туда выехали? – поинтересовался я.

– От моей избы отъехали ровно в шесть...

Мы тепло распрощались с симпатичным механиком. Я хотел было сделать то же самое с Мигалкиным, но Дим-Димыч взял его под руку и повел к «газику».

– Вас не затруднит, – начал Дим-Димыч, – выполнить одно наше поручение?

– Если оно в моих силах, я к вашим услугам, – ответил Мигалкин.

– Конечно, в ваших силах. Вы не меньше нас заинтересованы в том, чтобы отыскать таинственного ночного пассажира...

– Ах, вот в чем дело! – закивал Мигалкин. – Слушаю вас...

Поручение было довольно хлопотливым. Надо было выяснить, чьи машины и куда именно выходили из города тринадцатого и четырнадцатого февраля и не воспользовался ли услугами одной из них ночной гость Кульковой.

Потом Дим-Димыч спросил Мигалкина:

– Омельченко знает о происшествии на Старолужской?

– Хм... Об этом знает весь город...

– А знает Омельченко, что мужчину и женщину к Кульковой доставили вы?

– Да! – твердо ответил Мигалкин. – Я сам сказал ему.

– Тогда попросите своего механика помочь вам.

– Понимаю... Разобьемся в лепешку...

Когда мы простились с Мигалкиным и направились к машине, Дим-Димыч сказал:

– Ну?

– Чего тебе?

– Прав я был относительно алиби?

– Получается, так... А почему ты не дал хотя бы адреса своего Мигалкину? Ведь он мог бы написать или телеграмму дать...

Дим-Димыч вздохнул:

– Боюсь, что Геннадий лишит его этой возможности. Но за Мигалкина это сделает Омельченко. Можешь быть в этом уверен.

24 февраля 1939 г.

(пятница)

Минула неделя. Я и Дим-Димыч опять едем в тот же райцентр и по тому же самому делу.

Почему и как это произошло? Безродный арестовал не только Мигалкина, но и Кулькову. Этого следовало ожидать: пытаясь запутать Мигалкина, Кулькова, естественно, не могла не запутать себя.

Районный прокурор выразил протест и довел до сведения областного прокурора... И колесо закрутилось...

Если бы Безродный располагал откровенными признаниями арестованных, или убедительными показаниями свидетелей, или, наконец, неопровержимыми документальными уликами, вещественными доказательствами, то любой прокурор, как человек государственный и заинтересованный в разоблачении и пресечении зла, мог бы в какой-то мере оправдать его действия, понять необходимость срочных мер и связанное с этим нарушение уголовно-процессуальных норм. Беда же заключалась в том, что Безродный не располагал ничем. Кулькова, категорически отвергая обвинение в убийстве, заявила, однако, что была предупреждена Мигалкиным. На очной ставке Кулькова изменила свои показания и сказала, что Мигалкин посетил ее не утром, а вечером. Мигалкин, конечно, не признавал себя виновным. Следствие окончательно зашло в тупик, а настоящий преступник в это время разгуливал на свободе.

После нескольких звонков областного прокурора начальник управления Осадчий вынужден был дать указание об освобождении из-под стражи Мигалкина и Кульковой.

Безродный приехал вчера утром и подал рапорт Осадчему с протестом против освобождения арестованных. В этом же рапорте он отказывался вести дело в таких условиях и просил отстранить его от дальнейшего участия в следствии.

Вчера же вечером Кочергин сказал мне, что Осадчий решил передать ведение дела мне и Дим-Димычу, хотя я, откровенно говоря, считал это бессмысленным и, как известно, настаивал на возвращении его уголовному розыску. Но, если начальство приказывает, надо засучивать рукава и приниматься за работу.

Кочергин приказал наметить план действия и ровно через час доложить ему. Точно в назначенный срок я и Дим-Димыч предстали перед капитаном Кочергиным с очень подробным планом, который он, внимательно просмотрев, утвердил.

– План планом, – заметил он, – а жизнь остается жизнью. Ориентируйтесь на месте и сообразуйте свои действия с обстоятельствами. Одна маленькая деталь может перечеркнуть весь наш план, и он пойдет насмарку... – И, помолчав, добавил: – А младший лейтенант Каменщиков молодчина!

– Почему, товарищ капитан? – поинтересовался Дим-Димыч.

– Чутье есть. А это очень важно.

– А вы не допускаете, что он ошибся в постановке диагноза? – спросил я.

– Пока не допускаю. – Кочергин выдвинул ящик письменного стола, порылся в нем и вынул маленькую записную книжку. – Хочу поведать вам одну маленькую историю. В мае минувшего года я был в командировке в Благовещенске. Там незадолго до моего приезда имел место любопытный случай. На окраине города в частном домике китайца или корейца, точно не помню, был обнаружен труп мужчины средних лет. Работники розыска и эксперты долго не могли опознать труп и определить причину смерти. Наконец удалось все выяснить. Жертвой оказался работник одной из гостиниц, а умер он знаете от чего? От введения в вену нескольких кубиков воздуха. Как?

– Интересно! – вырвалось у меня.

– Даже очень, – добавил Дим-Димыч.

– Характерно, что, как и у нас, убийству предшествовала основательная выпивка и на жертве не оказалось ничего, что могло бы помочь опознанию личности.

– И преступление осталось нераскрытым? – спросил я, заранее предвидя утвердительный ответ.

– Не совсем, – заметил Кочергин. – Преступника схватили, но он убил одного оперработника, ранил другого и скрылся. И самое замечательное то, что убийца, как мне помнится, по своему внешнему виду мало чем отличается от ночного гостя Кульковой.

– Все это чрезвычайно важно, – произнес Дим-Димыч и стал что-то записывать на листке бумаги.

– И еще одна подробность, – продолжал Кочергин. – Если я не путаю этой истории с другой, совпадавшей с нею по времени, но не имеющей к ней никакого отношения, убитый оказался недавним жителем Благовещенска. До этого он работал в Москве и был связан с иностранной разведкой. Но чтобы уточнить... – он подал мне бланк шифротелеграммы, – запросим Благовещенск.

Я вооружился ручкой и под диктовку Кочергина написал телеграмму. В ней мы запрашивали все имеющиеся сведения об убийце и убитом.

Одновременно были составлены тексты телеграмм в соседние областные центры с просьбой уведомить нас о возможном исчезновении молодой женщины, приметы которой мы сообщали.

А два часа спустя я и Дим-Димыч сидели уже в накурленном вагоне и мчались в райцентр.

26 февраля 1939 г.

(воскресенье)

Капитан Кочергин был прав. Жизнь вносила коррективы. Мы не успели выполнить ни одного намеченного планом пункта. Буквально ни одного. Все осталось на бумаге. Обстановка на месте, что тоже предвидел Кочергин, заставила нас поступать «сообразно обстоятельствам».

Попытаюсь изложить все по порядку.

Перед выездом Дим-Димыч связался по телефону с младшим лейтенантом Каменщиковым. Он попросил прислать к приходу поезда «газик» и предупредить шофера Мигалкина о нашем приезде.

На перроне нас встретил Мигалкин и передал записку Каменщикова. Тот писал, что посылает машину, а сам приехать не может, так как второй день идет пленум райкома. Кстати, мы и не просили его встречать нас.

Мигалкин выполнил очень добросовестно поручение Дим-Димыча. Вернее, выполнили Мигалкин и механик Омельченко. Им удалось выяснить, что в четыре часа утра тринадцатого февраля, когда город еще окутывала ночная февральская темень, грузовую машину «Союзпло-

доовощ», направлявшуюся с бочками засоленной капусты в станционный поселок, остановил неизвестный. Он просил подбросить его на станцию. Заплатил за услугу двадцать пять рублей.

После ареста Мигалкина механик продолжал поиски. Он отправился на вокзал и стал беседовать с железнодорожниками. Ему рассказали, что «видный мужчина в коричневом пальто с поясом и с небольшим чемоданом в руке» проболтался на вокзале около четырех часов, пропустил два поезда в сторону Москвы и сел лишь на третий.

Приметы и одежда незнакомца совпадали с теми, которые сообщили Мигалкин и Кулькова.

На этом деятельность Омельченко прекратилась. Возобновилась она лишь после освобождения из-под стражи Мигалкина, то есть двадцать третьего числа. Мигалкин решил узнать, почему незнакомец не уехал со станции сразу, а пропустил два поезда. Оказалось, что на проходившие в сторону Москвы тринадцатого числа поезда билетов в кассе было сколько угодно. Должно быть, незнакомец задерживался по другой причине. Но по какой? Пришлось побеседовать со многими людьми. Однако никто не знал. Мужчина не разговаривал с пассажирами и тем более со служащими станции. Только случайно Мигалкин в разговоре со своим знакомым, сцепщиком вагонов, выяснил одну деталь.

Возвращаясь с ночного дежурства, сцепщик увидел около багажного склада мужчину в коричневом пальто и с небольшим чемоданом в руке. Он заглядывал в щель закрытой двери, трогал висячий замок. Поведение чужого человека показалось подозрительным: что ему надо? Хоть и одет вроде прилично, но все бродит у склада и присматривается. Сцепщик залез в пустой вагон на запасном пути и стал наблюдать за складом.

Незнакомец дважды подходил к закрытой двери и дважды возвращался в зал ожидания. На третий раз он столкнулся около склада со стрелочницей, о чем-то поговорил с нею и, махнув рукой, удалился. Больше сцепщик его не видел. Он спросил стрелочницу, что это за человек и зачем ходит возле склада. К великому его разочарованию, мужчина интересовался не складом, а кладовщиком, ему нужно было получить чемодан, который он сдал на хранение накануне.

«Придется подождать, – посоветовала незнакомцу стрелочница. – Кладовщик ночью принимал груз и поранил руку. Его отправили в городскую больницу».

– Вот все, что мы смогли сделать по вашему поручению, – окончил свой рассказ Мигалкин.

– Сделано немало, – одобрил Дим-Димыч. – А где находится склад?

– За станцией, около пути.

Мигалкин повел нас в конец перрона к серому казенному зданию, где помещались склад и камера хранения ручной клади.

Кладовщик, хмурый бородатый мужчина с перевязанной рукой, выслушал нас и сообщил, что действительно принимал на хранение чемодан и он все еще лежит в ожидании хозяина.

– Где он? – не скрывая волнения, спросил Дим-Димыч.

Кладовщик включил свет, и на боковой полке мы увидели элегантный желтый чемодан, перехваченный двумя ремнями. Он!.. Не могло быть сомнений! Впрочем, другого чемодана на полках не было; рядом с ним стоял деревянный сундук и бак для варки белья. И, кажется, еще какая-то корзина. Но это нас уже не интересовало. Пульс мой зачастил, что бывало всегда, когда судьба выводила меня на горячий след.

– Вот он, – показал кладовщик и с помощью Мигалкина одной рукой стал снимать чемодан с полки.

– Кто сдал его? – осведомился Дим-Димыч.

– Мужчина и женщина, но записан на мужчину.

– Когда сдали?

– А у меня есть корешок квитанции. – Кладовщик порылся в настольном ящичке среди бумаг, отыскал, что нужно, и подал нам: – Вот, пожалуйста... Двенадцатого февраля... Фамилия Иванов... Оценен в сто рублей... Сдан на трое суток...

– Закройте дверь, – попросил Дим-Димыч. – Нам надо познакомиться с содержимым чемодана.

Чемодан был заперт на два замка, но они довольно легко поддались. Не без волнения я поднял крышку. Внутри оказались: шерстяная серая шаль, три носовых платка, пара теплых женских чулок, кожаный пояс, прочно закупоренная и перевязанная бинтом банка с вареньем, отрез синего шевиота, чистая ученическая тетрадь в клетку и томик Чехова. И все.

Мы прощупали до ниточки каждую вещь, убедились, что закрытая банка, кроме вишневого варенья, ничего не содержит, и, явно расстроенные, уложили все обратно в чемодан. Я уже готов был захлопнуть крышку, как Мигалкин сказал вдруг:

– А что, если еще раз полистать книгу?

– Полистайте, – унылым голосом разрешил Дим-Димыч.

Мигалкин взял томик Чехова и начал перелистывать каждую страницу, изредка поплеывая на пальцы. Он искал надписи или пометки. Не знаю, как Дим-Димыч, но я не ожидал каких-либо открытий, однако не отводил взгляда от быстро работавших пальцев Мигалкина.

Стоп! Что это? Из томика Чехова выпала на цементный пол какая-то бумажка размером в листок отрывного календаря.

Я быстро поднял ее и подошел поближе к электролампочке.

Счет... да, это счет. Ресторанный счет, какие официанты обычно предъявляют клиентам...

Благодаря этому жалкому листочку бумаги мы предали забвению план, разработанный нами же самими и утвержденный Кочергиным, и, не заглянув даже в районный центр, первым проходящим поездом выехали обратно.

Младшему лейтенанту Каменщикову через Мигалкина мы послали письмо. Просили установить наблюдение за складом, возможно, «Иванов» пожалует за чемоданом. Напомнили и о трупe женщины – пусть по-прежнему хранят его на леднике.

28 февраля 1939 г.

(вторник)

– Любопытная подробность, – сдержанно проговорил Кочергин, всматриваясь в лоскуток бумаги. – Очень любопытная. Что же вы думаете по этому поводу?

Я и Дим-Димыч думали всю дорогу. Благо, что удалось сесть в совершенно пустое купе и никто не мешал нам высказывать догадки, предположения, спорить, опровергать нами же выдвинутые планы и тут же вырабатывать новые.

Мы выложили свои соображения. Счет вырван из блокнотной книжечки, какие обычно бывают у официантов. Вырван неровно, линия отрыва нарушена. От названия ресторана сохранились лишь четыре последних буквы – «наль». Это очень существенно. Думать, что это московский «Националь», наивно, ибо в правом нижнем уголке счета ясно виден текст, набранный петитом:

«Областная типография... заказ номер... тираж...» Не станет же московский ресторан заказывать себе бланки счетов в областном городе!

Далее. По наименованию блюд, перечисленных в счете, можно предположить, что это был ужин, а не обед и не завтрак, а по количеству блюд – что в нем принимало участие пять персон. Еще деталь: из пяти персон две были дамы. Почему? А вот почему: в счете названы бутылка муската, наряду с бутылкой водки, два пирожных «эклер», две плитки шоколада, две порции мороженого. Мужчины редко к этому прибегают. Еще подробность: ужин был обилен и продолжителен. Об этом говорит смена порционных блюд и итоговая сумма. И, наконец,

самое главное – дата под счетом. Ужин состоялся десятого февраля. Хотя год и не поставлен, но, не боясь ошибки, можно дописать цифру – 1939.

Коль скоро компания ужинала десятого, а двенадцатого чемодан оказался в самой глубине нашей области, то можно, да и следует думать, что ресторан с окончанием на «наль» находится где-то в ближайшей округе.

Если мы узнаем местонахождение ресторана, нам нетрудно будет по почерку отыскать официанта, обслуживавшего столик. Возможно, он запомнил своих клиентов.

– Резонно! – одобрил Кочергин. – Но не следует быть твердо уверенным, что жертва или убийца непременно участвовали в ужине. Так?

Я кивнул. Я умел быстро соглашаться с доводами начальства, а Дим-Димыч возразил:

– Ну, если оба не участвовали, то уж во всяком случае она-то в ресторане была. Чемодан, судя по вещам, принадлежит женщине.

– Возможно, и так, – кивнул Кочергин. – Будущее покажет.

Когда наш доклад был исчерпан, Кочергин предложил нам посидеть в его кабинете, а сам пошел к начальнику управления.

Вернувшись, он сказал:

– Осадчий не в особом восторге от вашей поездки, но наметки одобрил. Зайдите к дежурному по управлению и от имени Осадчего передайте приказание: пусть повиснет на телефоне, обзвонит все соседние управления и выяснит, в каком городе имеется ресторан с названием, оканчивающимся на «наль». Все! Вечер в вашем распоряжении. Отдыхайте!..

Дома я принял ванну и в расслабленно-блаженном состоянии в теплом халате лежал на диване, покручивая регулятор радиоприемника.

Чужеземная музыка нравилась Лидии и даже теще, и я, блуждая в эфире, выискивал для них экзотические танго и блюзы.

Вдруг зазвонил телефон. Я вскочил с дивана и схватил трубку:

– Лейтенант Трапезников слушает...

Говорил капитан Кочергин. Дежурный по управлению связался пять минут назад с Орлом, и оттуда сообщили что у них имеются гостиница и ресторан с окончанием на «наль» и полным названием «Коммуналь».

– Значит?.. – начал было я.

– Значит, приходите сейчас в управление, – закончил за меня Кочергин, – получайте документы и езжайте в Орел. Я туда позвоню, и вас встретят.

– Я один?

– Почему один? Брагин тоже!

– Слушаюсь, – и я повесил трубку.

Сборы заняли несколько минут.

1 марта 1939 г.

(среда)

Утром мы с Дим-Димычем были уже в Орле и обосновались в приличном, но без удобств номере гостиницы «Коммуналь».

И, конечно, сразу приступили к делу.

Бухгалтеру ресторана, представшему перед нашими очами, я предъявил изъятый из томика Чехова счет и спросил:

– Ваша фирма?

– Так точно, – подтвердил тот по-военному.

– Можете определить по почерку, чья это рука?

– Без ошибки! – не колеблясь, ответил бухгалтер. – Счет писал Ремизов. Старый официант. Так сказать, ресторанный корифей.

– А как его повидать?

– Только вечером. С утра он выехал куда-то за город. Вернется прямо на работу.

– Жаль. Ну да ничего не поделаешь. Вечером так вечером... Предупредите Ремизова, что он нам нужен.

– Хорошо.

Мы побродили по городу, который не произвел на нас особого впечатления. Город как город. Дим-Димыч сказал:

– Бывают города лучше – таких много, бывают хуже – таких меньше.

С этим, пожалуй, можно было согласиться. Орел не шел в сравнение с такими же, как и он, областными центрами: Воронежем, Ростовом, Краснодаром, Ставрополем, не говоря уже об Одессе, Харькове, Горьком. Возможно, что летом, в зелени, он выглядит наряднее, веселее, но сейчас, в марте, заметенный снегом, с нерасчищенными мостовыми и тротуарами, с закованными в лед Окой и Орликом, он показался нам серым, скучным.

Мы заглянули в областное управление, и здесь нас известили о звонке капитана Кочергина. Он искал меня. Я прошел в кабинет начальника секретариата и с его разрешения попросил станцию соединить меня с нашим управлением.

Ответил майор Осадчий. Оказывается, получен ответ из Благовещенска. Данные о неизвестном мужчине совпадают. Он тоже средних лет, блондин, глаза большие, голубые, светлые, шевелюра пышная, светло-каштановая. На левой щеке хорошо приметная красная родинка.

Мы вернулись в гостиницу.

Ровно в шесть часов вечера порог нашего скромного номера переступил хмурый по виду и довольно грузный старик, с прямым пробором в седых волосах и с серыми мешками под глазами. На нем была черная, хорошо отглаженная пара. Держался он чересчур прямо. От него веяло этакой величественной холодностью.

– Я есть Ремизов, – представился он вместо приветствия.

По нашему договору беседу с ним должен был вести Дим-Димыч.

Он пригласил официанта сесть возле стола, положил перед ним все тот же счет и спросил:

– Знаком?

Ремизов вооружился старомодными очками в белой металлической оправе, взглянул на бумажку и просто сказал:

– Моя работа.

Я ожидал встречных вопросов. А в чем дело? А зачем это вам? А что случилось?

К людям, которые так поступают, я отношусь с предубеждением. Они или неосторожны и выдают себя, или чрезмерно любопытны, что нескромно, или, наконец, трусоваты из-за не совсем чистой совести.

Ремизов, отрадно отметить, не подпал ни под одну из этих категорий. Вопросов от него не последовало. Он вложил очки в твердый футляр, спрятал его в карман и стал преспокойно курить, будто не имел никакого отношения к счету, лежавшему перед ним.

– Помните этот ужин? – поинтересовался Дим-Димыч.

– Как не помнить? Знатный ужин. Такие не часто у нас бывают в будние дни.

– Клиентов не разглядели? Что за люди?

– Нездешние. Проезжие, видать. Но солидный народ, вежливый, обходительный.

Ремизов обратил наше внимание на детали, которые он подметил сразу. Гости в конце ужина заказали кофе с ликером. Местные этим не шалят. Потом попросили специальные рюмки, а их отродясь не было в ресторане. А местные уж если доходят до ликера, то пьют его или из бокалов, как вино, или из стопок.

– Сколько же их было? – спросил Дим-Димыч.

– Пять персон. Две дамы и трое мужчин.

«Значит, мы не ошиблись, предположив, что в ужине участвовало пять человек и среди них две женщины», – подумал я.

– И, по моему разумению, четверо состоят в родстве, – заметил Ремизов.

– Почему решили? – полюбопытствовал Дим-Димыч.

– Тут и решать нечего. Одна пара: муж и жена – пожилые люди, а другая – молодые. Молодые зовут пожилых папа и мама. Тут же ясно.

– Какого же все-таки возраста были дамы?

– Как вам сказать... Пожилая в пору мне, а молодой самое большее двадцать. Девчонка совсем. «Черт знает что, – с досадой подумал я. – Из дам ни одна не подходит».

– А мужчины, кавалеры их? – задал Дим-Димыч новый вопрос.

– Хм... кавалеры? Пожилой тоже недалеко от меня ушел, а другой парень безусый. Ну, годков двадцать пять.

«Так. Двое мужчин тоже отпали», – отметил я.

– А пятый? Вы о пятом забыли сказать, – напомнил Дим-Димыч.

– Почему забыл? Совсем нет. Вы спрашиваете, я отвечаю. Пятый – средних лет, фигуристый такой, светлый, волосы богатые, красивый с виду...

– С родинкой на щеке, вот тут!.. – показал я.

– Не заметил.

– Маленькая родинка, – добавил Дим-Димыч. – Красная.

– Понимаю. Красная, маленькая. Родинки не заметил.

Я шумно вздохнул. Ерунда какая-то! Но при чем тут счет? Как он попал в чемодан?

– Кто рассчитывался с вами? – спросил Дим-Димыч.

– Этот фигуристый, светлый и рассчитывался за всех. По всему видать, он и устраивал ужин.

– И никого из этих клиентов вы ранее не встречали?

Ремизов отрицательно покачал головой:

– Не встречал.

Мы отпустили старика и задумались. Разрозненные, беспорядочные мысли закопошились в голове. Ну, хорошо, эти люди не имеют никакого отношения ни к жертве, ни к убийце. Допустим, так. Но счет, счет... Каким образом он попал в чемодан убитой женщины?

Дело вновь заходило в тупик. Перед нами как бы возник глухой высокий барьер, преодолеть который было не в наших силах.

Что же делать дальше? Уж не запомнил ли старик? Быть может, он просто забыл о родинке, хотя и видел ее? Уж не такая это великая примета – родинка! Быть может, он ее и не заметил? А если бы не родинка, то все как будто совпадает...

Наши раздумья прервал стук в дверь. Вернулся Ремизов.

– Прошу извинить, вспомнил... – проговорил он, закрывая дверь.

«Слава богу, вспомнил о родинке», – подумал я.

– Вот что я вспомнил, – продолжал Ремизов. – Надо вам поговорить с Никодимом Семеновичем...

Я сдвинул брови. Что такое?

– С каким Никодимом Семеновичем? – спросил Дим-Димыч.

– Скрипач. Первая скрипка в нашем оркестре. Мне сдается, что он знает этого фигуристого человека. Ну, этого, пятого, как вы сказали. Он подзывал Никодима Семеновича к столу, угощал его. Они чокались и пили...

Стоп! Обозначился просвет. Молодец старик! Вновь вспыхнула искра надежды. Быть может, скрипач прольет свет на эту темную историю?

– Оркестр скоро соберется, – добавил Ремизов.

Мы решили спуститься в ресторан поужинать. Да кстати и приглядеться к первой скрипке.

В зале было негусто. Оркестр еще не играл, и на эстраде царила странная тишина.

Мы сели за столик Ремизова, и старик довольно быстро подал нам густую и перенасыщенную всякими пряностями мясную солянку. Надо было обладать исключительным мужеством, чтобы проглотить ее без остатка. Но в ожидании музыкантов пришлось чем-то занимать себя и приносить какие-то жертвы. Правда, местное вино, довольно приятное на вкус, несколько смягчило удар, нанесенный нашим желудкам сборной солянкой.

Наконец из узкой двери в задней стене на эстраду вышли дружной гурьбой музыканты и стали рассаживаться по своим местам.

Первую скрипку мы узнали сразу. Да и нельзя было ее не узнать: она была единственной.

Никодим Семенович, как назвал его Ремизов, этакий молодой хлюст с глазами навывкате, выбритый до синевы, был одет по последнему крику моды и владел своей профессией не так уж плохо. Выходной марш Дунаевского, исполненный первым, не причинил нам никаких неприятностей. Потом музыканты сыграли «Утомленное солнце нежно с морем прощалось», «Давай пожмем друг другу руки», «Рио-Риту», а когда сделали перерыв, мы попросили Ремизова пригласить к нашему столику Никодима Семеновича.

Он, видимо, привык к этому и, расцветившись профессиональной улыбкой, подошел к нам как старый знакомый. Мы заказали дополнительно пива и повели деловой разговор.

Увы, нас ожидало разочарование. Блондин, устраивавший ужин десятого февраля, был хорошим знакомым Никодима Семеновича и жил в одном с нами городе, а в Орел попал наездом. Зовут блондина Борис Антонович Селихов. Он музыкант и педагог по профессии. Никодим Семенович лет пять назад учился под началом Селихова в Смоленске. Его адрес – улица Некрасова, дом семь, квартира шестнадцать. И все. И никакой родинки у Селихова нет и не было ранее.

Вспыхнувшая было искра погасла. Записав адрес Селихова, мы распрощались со скрипачом, уложили свое нехитрое барахлишко, рассчитались за номер и, окончательно расстроенные, спустились вниз. Громыхающий старомодный трамвай потащил нас на вокзал. Прощай, Орел! Здесь нам делать нечего.

В дороге, в который раз за день, мы вновь вернулись к уже новой мысли. В самом деле, как же все-таки мог счет официанта, врученный Селихову, попасть в чемодан убитой?! Не по воле же духа святого! А что, если напутал Благовещенск? Что, если в самом деле у убийцы нет родинки? Мог же он, допустим, в Благовещенске прилепить себе, как поступают модницы, черную мушку? Вполне! Прилепил, а потом смыл. И ввел следствие в заблуждение. И ничего нет странного в том, что Селихов десятого числа давал банкет, а двенадцатого отправил на тот свет женщину.

Быть может, напрасно мы унываем. Еще, кажется, не все потеряно.

Утром, сойдя с поезда, мы направились, конечно, не в управление, а на улицу Некрасова.

На втором этаже оказалась квартира под номером шестнадцать.

Я вынул из заднего кармана брюк пистолет, снял его с предохранителя и положил в правый карман пальто. На всякий случай. Мало ли что бывает! Дим-Димыч последовал моему примеру.

Согнутым пальцем я настойчиво забарабанил в дверь.

Ее открыла миловидная девушка. На мой вопрос, могу ли я пройти к Борису Антоновичу Селихову, она доброжелательно ответила:

– Пройдите! Вот его дверь. Он, кажется, у себя. Еще рано.

Я взглянул на часы: да, действительно, рановато – семь минут девятого.

Я постучал в дверь. Послышались шаги, и она распахнулась. На пороге стоял мужчина лет сорока, немного ниже меня, блондин, конечно, с роскошной шевелюрой, хорошо сложенный и,

странно, напоминавший мне кого-то. На нем были пижамные брюки и спортивная безрукавка. Но родинки не было.

– Вы ко мне? – сдержанно спросил он, оглядывая нас обоих.

– Если вы Селихов, то к вам, – проговорил я.

– Прошу! Простите за беспорядок. На несколько минут я оставляю вас одних. Приведу себя в божеский вид.

Я кивнул, и он вышел. Никакого беспорядка мы не заметили. Убранство комнаты говорило о том, что живет в ней человек с достатком и аккуратный. Свет утреннего солнца через два больших окна заполнял уютную комнату и делал ее еще более уютной. Глухую, самую большую стену занимали стеллажи, заполненные книгами. У другой стены между окнами стояло пианино, а на нем бронзовая Диана венской работы. Кровать орехового дерева покрывал клетчатый, приятной расцветки плед. Посреди комнаты расположился стол овальной формы, а с него почти до пола свисала тяжелая бархатная скатерть с крупным цветочным рисунком. На этажерке рядом с пианино возвышалась большая стопка нотных тетрадей. Стоячие часы старинной работы в углу комнаты мерно и мягко отстукивали секунды.

Неожиданная мысль встревожила меня. Позвольте, а где же хозяин? Неужели он сообразил, с кем имеет дело, и исчез? Вот это будет номер! Дим-Димыч хотел было уже шагнуть в коридор, но в это время дверь открылась с дружелюбным скрипом и вошел Селихов. На нем была отличная пиджачная пара из синего бостона, белая сорочка и галстук.

– Давайте познакомимся! – предложил я, решив приступить к делу.

– А мы уже знакомы, товарищ Трапезников, – улыбнулся Селихов и подал мне руку. – Я вас помню, а вот вы меня забыли.

Я смущенно рассматривал Селихова, хлопал глазами и призывал на помощь память.

– Мы встречались, – помог мне Селихов, – на совещаниях пропагандистов в райкоме партии.

Я хлопнул себя по лбу: «Правильно! Ну конечно же!»

– Вспомнил! – воскликнул я. – Вы, как мне помнится, работали...

– Работал и работаю, – подхватил Селихов, – заведующим учебной частью музыкальной школы. Садитесь, умоляю.

– Я сел, попросил (с небольшим опозданием) прощение за столь ранний визит и заговорил на интересующую нас тему.

– Помогите нам разобраться в запутанной истории... Десятого февраля вы были в Орле?

– Был...

– Устраивали ужин в ресторане «Коммуналь»?

– Устраивал...

– Так... – Я полез в карман. – Вот счет официанта, по которому вы расплачивались за ужин. Объясните, каким образом через двое суток после ужина этот счет смог оказаться за триста километров от Орла на глухой железнодорожной станции в чемодане, сданном в камеру хранения ручной клади?

Обескураженный Селихов смотрел на меня с любопытством, откинувшись на спинку стула. Я озадачил его.

– Понятия не имею. Мне надо вспомнить все последовательно. – Он закинул руки за голову, уставился в потолок и задумался.

– Вы чемодан свой никому не одалживали? – поинтересовался я.

– Боже упаси! – с каким-то испугом ответил Селихов. – У меня один чемодан. Вот, под вешалкой. Но я должен вспомнить все, как было. Скрывать не буду, я выехал из Орла тотчас после ужина, и под солидным градусом. Собственно, что значит под солидным?.. Я был просто, как говорится, на взводе, но помню каждый свой шаг. Надо вот только привести мысли в порядок. Вы не торопитесь?

- Нет-нет, – заверил Дим-Димыч.
- Тогда разрешите мне припомнить все?
- Пожалуйста.

Пока Селихов приводил в порядок свои мысли, мы, чтобы не мешать ему, встали. Дим-Димыч подошел к окну, а я к стеллажу и стал разглядывать книги. Тут были и мои любимые: Лесков, Мамин-Сибиряк, Горький, Джек Лондон. Взгляд задержался на подписном издании Чехова. Я пробежал глазами по корешкам и обратил внимание, что среди книг отсутствует третий том. Поначалу я воспринял это как-то машинально и не придавал никакого значения, а потом какой-то внутренний толчок заставил меня вздрогнуть.

- Товарищ Селихов! – нарушил я раздумье хозяина. – Где третий том Чехова?

Селихов быстро обернулся, пристально посмотрел на меня посветлевшими глазами, взъерошил вдруг рукой свою пышную шевелюру, вскочил с места, точно ужаленный, и воскликнул:

- Спасибо! Спасибо!.. Теперь все вспомнил... Сейчас расскажу...

И он рассказал. Как всегда, так и в этот раз, отправляясь в дорогу, он захватил с собой книгу. Это был третий том Чехова. На обратном пути, утром в вагоне, он достал из портфеля Чехова, раскрыл и стал читать. Его соседка по купе, очень приятная молодая особа, обратилась к нему. «Чехова можно читать вслух, – так сказала она и добавила: – Это доставит удовольствие всем». Селихов не стал возражать, хотя и не привык читать вслух. Он прочел «Утопленника», «Дельца», «Свистунов», а потом решил заглянуть в вагон-ресторан и «поправиться» бутылкой пива после вчерашнего ужина. Извинившись перед слушателями и поискав глазами, что можно использовать в качестве закладки, Селихов сунул руку в карман и извлек оттуда уцелевший каким-то чудом счет официанта. По возвращении читать вслух уже не пришлось. Завязалась обычная дорожная беседа. Селихов узнал, что приятная особа живет в Орле, работает в ветбаклаборатории, звать ее Лариса Сергеевна, что сейчас она в отпуске и едет повидаться с отцом. Куда – она не сказала. Перед тем как сходить Селихову, Лариса Сергеевна спросила его: «Вы верите, что на свете существуют порядочные люди?» Селихов ответил, что, конечно, верит. «Тогда оставьте свой адрес и томик Чехова. Я верну его вам в полной сохранности. Я не взяла с собой ничего и с удовольствием почитаю в дороге». Вот и все.

- Теперь вам ясно? – искренне обрадованный, закончил Селихов.

- Даже очень, – ответил я.

- Вопросов вам я не задаю, – сказал Селихов. – Думаю, они будут неуместны.

- Вы догадались, – проговорил Дим-Димыч. – Просим извинить, что потревожили вас...

Пожав Селихову руку, мы с чувством одухотворенной легкости покинули его комнату, скатились по лестнице и оказались на улице.

Мартовское солнце, как бы радуясь за наш небольшой успех, грело по-весеннему тепло и ласково.

– Андрей! – бодро воскликнул Дим-Димыч. – Мы за своими командировками и весну прозеваем. Гляди, как греет! Можно и без пальто.

Я ничего не ответил. Я думал о другом. Успех это или не успех? Несомненно, успех! Лариса Сергеевна наверняка и есть жертва загадочного преступления. Теперь нам известно, как попал к ней счет, теперь мы знаем, что она из Орла и работала в ветбаклаборатории. Наконец-то следствие сдвинулось с мертвой точки.

Продолжая размышлять на эту тему, я сказал Дим-Димычу:

- Надо бы предъявить Селихову фотокарточку покойной. Он бы, конечно, опознал ее.

– Правильно сделал, что не предъявил. Зачем расширять круг лиц, посвященных в эту историю. А потом...

- Что потом?

- Вдруг опять осечка?

– Не думаю...

На перекрестке мы остановились.

– Ты куда? – удивленно осведомился Дим-Димыч, видя, что я сворачиваю налево.

– Как куда? В управление... А ты?

– Я думал, что на вокзал и – прямо в Орел.

Я запротестовал. Надо было повидать Кочергина и, кроме того, получить требования на билеты.

– Ну, ладно, – огорченно вздохнул Дим-Димыч. – Пошли!

Кочергин принял нас немедленно.

Когда мы открыли дверь кабинета, он разговаривал по телефону:

– Да!.. Они уже у меня... Прошу, Геннадий Васильевич.

Ясно. Кочергин пригласил к себе старшего лейтенанта Безродного.

Мы сели и стали ждать. Ждали минут десять. Кочергин ничем не выдавал своего раздражения. Он спокойно рассматривал утреннюю почту в пухлой папке.

Я внимательно наблюдал за ним. Он все больше рос в моих глазах. Было приятно и отраднo сознaвать, что должность Курникова, человека и работника, безмерно уважаемого мною и всем коллективом, занял человек не менее достойный.

Вошел Безродный. Он даже не счел нужным извиниться за опоздание. Пренебрежительно бросив: «Привет!», он поставил стул рядом со стулом Кочергина. Он и тут хотел показать, что является начальником отдела и ему неприлично сидеть на другом месте.

– Ну, давайте выкладывайте, товарищи! – произнес Кочергин и отодвинул от себя папку с почтой.

Докладывал я. Дим-Димыч вносил дополнения.

– У вас будут вопросы? – обратился Кочергин к Безродному, когда мы окончили.

Тот отрицательно покачал головой.

Ах, как я хотел знать, что думает Геннадий! Неужели ему непонятно, что он со своими методами следствия оказался в дураках? И в каких дураках! Но он держал себя так, будто ничего не произошло.

– Вы уже знаете, – продолжал Кочергин, – что портрет преступника, переданный Благовещенском, полностью совпадает с тем, кто назвал себя в камере хранения Ивановым?

Мы дружно кивнули.

– Родинка мешает, – усмехнулся Дим-Димыч.

– Да! Ни Мигалкин, ни Кулькова не заметили ее.

– Ну... – протянул Кочергин, – родинку можно и не заметить. Это не бросающаяся в глаза примета... Тут надо быть профессионалом... А вот если бы вы сказали свидетелям о существовании родинки, то они, возможно, и припомнили бы ее...

– Пожалуй, верно, – согласился Дим-Димыч.

– Благовещенск сообщил нам исчерпывающие сведения и о жертве, – снова заговорил Кочергин. – Убитый работал дежурным администратором в гостинице. Фамилия его Рождественский. В Благовещенске он прожил всего четыре месяца, а до этого работал в Москве, тоже в тресте гостиниц. Причем перебрался из Москвы в Благовещенск по собственному желанию, – он сделал паузу. – Думаю, что вы на верном пути. Куйте железо, пока горячо. Если вам удастся задокументировать опознание убитой, дальше пойдет легче. Что ж... поезжайте снова в Орел. – Кочергин посмотрел на часы. – В вашем распоряжении сорок семь минут. Вызывайте мою машину.

Мы встали.

– Какие будут указания? – задал я совершенно глупый вопрос.

Умница Кочергин улыбнулся.

– Сила инерции? Указаний никаких. Вам на месте будет виднее.

Я покраснел.

Дим-Димыч закусил губы, сдерживая смех.

Мы вышли. Надо было хоть на минуту заехать домой.

– А этот болван, – сказал Дим-Димыч, имея в виду Безродного, – не смог выдавить из себя ни одного слова. Это при нас он строит из себя гения, а при Кочергине – пустое место. А твой Кочергин молодчина! Смотри – пригласил! Быть может, специально для того, чтобы дать понять ему, что он идиот?

– Не думаю. Все-таки ты – его работник, и это надо учитывать...

– Идиот! – саркастически усмехнулся Дим-Димыч. – Идиот, а держится. Если бы кто другой напортачил, как он... Ого! Всыпали бы ему по самую завязку, а с него – как с гуся вода. Не понимаю я майора Осадчего. Неужели он не раскусил его?

– Да... – буркнул я, не зная, что сказать...

3 марта 1939 г.

(пятница)

Вторично оказавшись в Орле, мы с места в карьер бросились в ветбаклабораторию.

День начался успешно.

Заведующая лабораторией, не заглядывая в список сотрудников, точно и определенно заявила, что Лариса Сергеевна, носящая фамилию Брусенцова, работает лаборанткой. Сейчас она в отпуске. Через пять дней должна вернуться.

Дим-Димыч попросил личное дело Брусенцовой. Взглянув на фотокарточку, мы сразу поняли, что Лариса Сергеевна из отпуска больше не вернется. Это была та самая женщина, труп которой лежал сейчас в морге на леднике.

Бумажки, заключенные в личном деле, поведали нам следующее.

Брусенцовой двадцать восемь лет. Она была замужем, жила в Москве, после развода переехала в Орел. Носила в замужестве фамилию Плавской. В пригороде Москвы живут ее отец, Сергей Васильевич Брусенцов, и его вторая жена, мачеха Ларисы Сергеевны, Софья Кондратьевна Брусенцова. В Москве Лариса Сергеевна работала... Где бы вы думали? В гостинице...

– Черт возьми! – воскликнул Дим-Димыч. – И Рождественский тоже в гостинице... Нелепое совпадение!

– Роковое, кажется, – заметил я.

Нам предстояло еще предъявить фотокарточку убитой и заполнить протокол опознания. Эту неприятную обязанность взял на себя Дим-Димыч. Он пригласил в комнату, которую нам отвели для просмотра документов, заведующую лабораторией, выложил перед ней четыре фотографии и спросил:

– Узнаете, кто это?

Заведующая, уже немолодая женщина, мгновенно изменилась в лице и, конечно, узнала свою лаборантку.

– Исключите ее из списка сотрудников как умершую, – сказал Дим-Димыч, – а дело сдайте в архив...

Выполнив все формальности и получив домашний адрес Брусенцовой, мы отправились на Вторую Пушкарную улицу.

Нас встретила пожилая опрятная женщина, хозяйка дома, в котором Брусенцова снимала комнату.

Дим-Димыч вынужден был расстроить и ее. После предъявления снимков и заполнения протокола опознания мы попросили показать нам комнату покойной.

Здесь мы ничего существенного, к сожалению, не обнаружили, исключая добрую дюжину пустых бутылок. Хозяйка объяснила, что Лариса Сергеевна, как правило, перед тем, как лечь

в постель, выпивала стакан-другой вина. Она жаловалась на бессонницу, и это будто бы ей помогало.

– Когда ваша квартирантка уехала? – спросил я.

– Десятого февраля утром, – последовал ответ. – Она намеревалась первую половину отпуска провести здесь, походить на лыжах, а вторую – в Москве у родителей. А девятого вечером отец прислал телеграмму...

Мы насторожились.

– Какую телеграмму? – спросил Дим-Димыч.

– А вот... – Хозяйка подняла край клеенки на столе, вынула оттуда развернутую телеграмму и подала ее Дим-Димычу.

Телеграмма была послана из Москвы девятого, в восемнадцать часов с минутами. Под ней стояла подпись Брусенцова. Отец сообщал, что чувствует себя неважно, едет в командировку и настоятельно просил дочь встретить его именно на той глухой станции нашей области, где был оставлен чемодан.

Кстати, о чемодане. Хозяйка подтвердила, что Брусенцова поехала с новым желтым чемоданом, подаренным ей отцом.

Мы попрощались с хозяйкой и поспешили на вокзал.

– У меня мысль, – сказал Дим-Димыч уже на перроне. – Надо тебе сейчас же дозвониться до Кочергина.

– Зачем?

– Придется ехать в Москву к родителям Брусенцовой. И ехать немедленно, не заглядывая домой. Пусть Кочергин организует нам документы, билеты до Москвы и передаст с нарочным во время остановки поезда.

Мысль мне показалась дельной. Я отправился в транспортное отделение НКГБ. Полчаса спустя вышел оттуда, переговорив с Кочергиным. Он одобрил нашу инициативу и заверил, что на станции нас встретит Селиваненко.

Мы прогуливались по перрону в ожидании поезда. Погода портилась. Весна походила на зиму. По небу тянулись серые тучи. Дул холодный северо-западный ветер.

– Что за дьявольщина? – проговорил Дим-Димыч. – Неужели отец решился поднять руку на родную дочь?

Ерунда. Быть не может.

– А почему нет? В истории преступлений немало примеров, когда дети расправлялись со своими родителями, жены – с мужьями, братья – с сестрами. Чего не бывает в жизни!

Мне не хотелось думать об этом. Не знаю, почему, но не хотелось.

– Ты учти, – продолжал Дим-Димыч, – что наличие в семье мачехи или отчима нередко служит причиной ссор, распрей, скандалов.

– Согласен, но не хочу думать об этом. Ну хорошо, допустим, что убийца – отец. Но неужели он настолько глуп или наивен, что, замыслив кровавую расправу, послал телеграмму за собственной подписью? Это же явная улика.

– Да, резонно, – согласился Дим-Димыч.

– На что же он рассчитывал? – продолжал я. – Или был уверен, что дочь уничтожит телеграмму? Откуда такая уверенность? Да и почему она должна так поступить? Нет, тут что-то не то.

Дим-Димыч рассмеялся.

– Я осел... Как могла прийти мне в голову такая идиотская мысль! Ведь по всем приметам партнеру Брусенцовой самое большее сорок. Так ведь? А если ей самой двадцать восемь, то в день ее рождения отцу ее едва исполнилось двенадцать?

– Ну вот видишь? – сказал я. – Нет, отец тут ни при чем... Я вот подумываю о ее бывшем муже, как его там... Плавский, что ли? Уж не он ли сфабриковал телеграмму?

– Все возможно... Быть может, и Плавский. Не стоит ломать голову. Москва должна нам кое-что дать. А Кочергин твой как в воду глядел. Помнишь, он сказал: «Может случиться и так, что на ужине в ресторане ни убийца, ни жертва не присутствовали!»

– Помню. Вообще он парень головастый. Не то что твой шеф, – сказал я и рассмеялся.

– Мой шеф обделался с головы до ног, а старается держать себя как умник из умников. Нашу беседу прервал гудок подходящего поезда.

5 марта 1939 г.

(воскресенье)

Ранним утром мы оказались на просторной Комсомольской площади – средоточии трех крупнейших столичных вокзалов.

Задувал знобкий мартовский ветерок.

Не без труда мы заарканили старенькое такси и уселись в него. Ехать надо было в пригород, в Покровско-Стрешнево, где жили родители Брусенцовой.

Нам выпала не совсем приятная миссия – сообщить отцу о трагической смерти дочери. Дим-Димыч, когда мы обсуждали эту щекотливую проблему в вагоне поезда, рассудил так:

– Важно не содержание, а форма.

Я был не согласен. Мне казалось, я был даже уверен, что в какие бы сладкие слова мы ни облекали эту страшную весть, она от них не станет приятнее.

– Хорошо, – сказал Дим-Димыч. – Поручи эту деликатную операцию мне.

Я, конечно, не возражал.

Машина остановилась. Мы расплатились и вышли.

Дом Брусенцовых, видимо, собственный, рубленый, граничил с высоким сосновым бором и на фоне снега, сохранившего здесь свой естественный цвет, выглядел уютно и опрятно.

Дверь нам открыла высокая, статная, седая женщина с выразительными, но очень усталыми глазами. Когда-то, бесспорно, красивая, сейчас она была примечательна только своей крепкой, хорошо сохранившейся фигурой.

– Нам нужен Брусенцов, – сказал Дим-Димыч.

– Он в отъезде, – ответила женщина низким голосом. – А вы кто будете?

Дим-Димыч представился. Я подметил, что на лицо женщины легла легкая тень. Оно и понятно: визит сотрудника органов государственной безопасности не мог, конечно, не вызвать удивления.

– Я жена Брусенцова, – в свою очередь, пояснила хозяйка.

– Софья Кондратьевна? – уточнил Дим-Димыч.

– Да... – удивленно подняла глаза женщина. – Но я, очевидно, не смогу заменить мужа?

– Как сказать... Придется побеседовать с вами...

И хотя слово «побеседовать» вряд ли успокоило Софью Кондратьевну, она пригласила нас в дом, предложила раздеться и провела в гостиную.

Мы оставили чемоданчики в передней.

Согнав с широкой софы, застланной ковром, откормленного до неприличных размеров кота, хозяйка сказала:

– Садитесь!

Мы послушно сели. Но сама Софья Кондратьевна продолжала стоять. Это было не совсем удобно. Мне хотелось успокоить ее, сказать, что ни мужу ее, ни ей самой не грозит никакая опасность, но я не знал, имею ли на это сейчас право. В ее усталых, оплетенных густой сетью морщинок глазах и даже в движениях, заметно скованных, чувствовалась понятная нам настоящая напряженность.

Я ждал, когда Дим-Димыч начнет и, главное, как начнет. Он молчал и делал вид, что рассеянно разглядывает убранство комнаты.

– Если курящие – курите! – разрешила хозяйка. – Я тоже закурю.

Мы обрадовались, поспешно извлекли из карманов папиросы, угостили Софью Кондратьевну и закурили. Мы сидя, она стоя.

В душе я был рад, что Брусенцова не оказалось дома. Миссия наша облегчалась. Сказать о смерти дочери родному отцу или же мачехе – это не одно и то же.

Дим-Димыч раздувал папиросу, чего никогда не делал, но это не могло продолжаться вечно. Надо было начинать, но он молчал.

– Вы, я вижу, приезжие? – нарушила молчание хозяйка.

– Вы угадали, – подтвердил Дим-Димыч и для уверенности громко кашлянул. – Очень жаль, что не застали вашего супруга...

Это была ложь... Самая бессовестная ложь со стороны моего друга. Я уже сказал, что нам надо было радоваться отсутствию Брусенцова.

То, что мы приезжие, не разрядило напряженную атмосферу. Терпение Софьи Кондратьевны подходило к концу. Она улыбнулась какой-то вымученной улыбкой, смяла в руке недокурную папиросу и бросила ее в большую раковину на столе.

Я многозначительно взглянул на своего друга. Глаза мои говорили: «Не тяни! Становится просто неприлично... Начинай! А если не можешь – давай я».

Дим-Димыч едва приметно кивнул и спросил:

– Куда же выехал ваш супруг?

– В Барнаул. Там целая комиссия из Наркомата сельского хозяйства.

– Давно?

– Десятого числа прошлого месяца.

Дим-Димыч достал из кармана телеграмму на имя Ларисы Сергеевны и подал ее Софье Кондратьевне. Подал и не счел нужным добавить ни одного слова. Быть может, так и лучше.

Софья Кондратьевна прочла телеграмму прищуренными глазами, повела плечом и сказала:

– Чуть какая-то... Чья-то неумная шутка... Сергей не посылал, иначе я бы знала. А как она попала к вам? Что случилось?

«Важна форма, а не содержание», – вертелось у меня в голове наставление Дим-Димыча. Ну-ка, как он проявит свое искусство? Надо было отвечать. Минуту раньше, минутой позже, но надо. Наконец мой друг раскрыл рот и бухнул:

– На нашу долю выпала неприятная обязанность. Лариса Сергеевна почти месяц назад умерла...

Получилось совсем, как в рассказе Чехова. В комнате стало до жути тихо. Софья Кондратьевна смотрела на нас широко раскрытыми глазами, силясь, видимо, понять значение сказанного, и потом тихо, задушенным голосом переспросила, будто не доверяла собственному слуху:

– Умерла?

– Да, – кивнул Дим-Димыч.

– Ее заставили умереть, – пришел я не совсем удачно на помощь.

– Боже!.. Сергей! – вскрикнула Софья Кондратьевна.

Мне ни разу в жизни не доводилось видеть, как женщины падают в обморок. Я видел их страдающими от тяжелых ран, падающими под ударами мужских кулаков, умирающими от потери крови. С женскими обмороками мне приходилось сталкиваться лишь в книгах небезызвестной Клавдии Лушкевич. Поэтому обмороки я не принимал всерьез. А теперь принял. Не мог не принять. Софья Кондратьевна вскрикнула, всплеснула руками, откинула назад голову и, покачнувшись, неожиданно рухнула.

Все это произошло так быстро, что мы не смогли прийти к ней на помощь. Просто не успели. Она навалилась на край стола, он наклонился, и все, что было на нем, со звоном и стуком полетело на пол. Я не ожидал подобной реакции. Ну, слезы, крики, плач, а обморок...

– Вот тебе и мачеха! – сказал Дим-Димыч. – Воды, полотенце! – скомандовал он, бросаясь к женщине.

– Хорошо бы нашатырный спирт! – вспомнил я.

– Давай ищи! Что стоишь? Хотя подожди, давай положим ее на софу.

Мы подняли Софью Кондратьевну и уложили на софу.

Конечно, кроме холодной воды и полотенца, я ничего в чужом доме не нашел.

Обморок был настоящий, глубокий, основательно нас перепугавший. Он продолжался очень долго. Софья Кондратьевна пришла наконец в себя помимо наших неумелых усилий. Поддерживаемая под руки, она прошла во вторую комнату, отыскала флакон и выпила несколько капель какой-то темной жидкости.

Лишь часа через полтора, когда она наплакалась вволю и несколько оправилась от неожиданного удара, мы сочли возможным продолжить прерванную беседу.

По ее настоянию пришлось поведать со всеми подробностями историю убийства Ларисы Сергеевны. Потом слушали ее. Она была по-настоящему матерью, а не мачехой. Когда она вышла за Брусенцова, Ларисе сравнялось два года. Софья Кондратьевна вынянчила девочку, полюбила, как родную, и считала ее самым близким существом.

Мы слышали ее и понимали, что словами, обычными человеческими словами, она не в состоянии выразить всю глубину своего горя, хотя и пытается это сделать. Софья Кондратьевна говорила, а правую руку все время держала на сердце. Она говорила медленно и очень тихо. Говорила о том, что нам совсем не было нужно. Но мы ее не прерывали. С точки зрения человеческой, мы были правы.

Но постепенно и очень тактично мы все же перевели разговор в интересующее нас русло. И добрались наконец до причины развода Ларисы Сергеевны с ее бывшим мужем Плавским.

– Я уже сказала вам, – продолжала Софья Кондратьевна, – что я крепко любила Лару. Но, любя, я видела в ней не только ее достоинства, но и недостатки. У Лары, таить нечего, характер был отцовский, далеко не мягкий. Ей передалась по наследству его душевная тяжеловесность. Она с трудом признавалась в своих ошибках, хотя в душе мучилась, раскаивалась. Я часто задавала себе вопрос, любила ли она Константина, выходя за него замуж. И никогда не могла ответить на него. Мне кажется, на заре их супружеской жизни между ними что-то произошло. Что-то серьезное и непоправимое. Очень быстро они стали как бы чужими. И все дальше и дальше отходили друг от друга...

– А что вы можете сказать о Плавском? – спросил я.

– О Константине? Ничего. То есть как ничего? Не могу сказать ничего плохого. Это очень приличный, порядочный, культурный человек, хороший специалист. Вот в его чувствах я никогда не сомневалась. Уж он-то любил Лару. Да как любил!

Софья Кондратьевна сидела теперь, ссутулившись, напоминая чем-то крупную прикорнувшую птицу. Глаза ее были устремлены в одну точку.

Мы записали телефоны Плавского и вручили Софье Кондратьевне письмо на имя младшего лейтенанта Каменщикова. Она намеревалась взять тело Ларисы, похоронить в Москве.

До поселка Сокол мы добрались трамваем. Отыскали телефон-автомат и позвонили на службу к Плавскому. Нам ответили, что Плавский, вероятно, дома, так как ночью должен выехать в командировку.

– Этого еще не хватало. Звони домой! – поторопил Дим-Димыч.

Плавский оказался у себя. Я объяснил причину нашего звонка и, не вдаваясь в подробности, напросился на встречу. Условились, что Плавский будет ждать нас на Кропоткинской улице, возле дома с колоннами, и проведет в свою квартиру.

– Плохо, что мы не спросили у Брусенцовой, как выглядит Плавский, – выразил я сожаление.

– Ты думаешь, он с родинкой?

– Шут его знает. Между супругами всякое бывает.

– Но он же любил ее.

– Тем более. Отелло тоже любил.

– А мне чутье подсказывает, – признался Дим-Димыч, – что Плавский тут ни при чем...

Мы вышли на Кропоткинскую улицу со стороны Зубовской площади и стали медленно прогуливаться. Зажглись фонари, и в их свете родился мелкий, колкий, явно не весенний снежок.

Плавский появился в условленном месте. По внешнему виду он не имел никакого сходства со спутником Ларисы Сергеевны: высокий худощавый брюнет, лет тридцати двух – тридцати трех, с большими мягкими глазами. Мы поздоровались. Меня немало удивило, что Плавский совершенно не интересовался, зачем он нам понадобился. Он был по натуре человек общительный и за какие-нибудь четверть часа, пока мы добрались до его дома, рассказал о себе почти все.

Жил он на четвертом этаже в отдельной квартире, состоявшей из комнаты с альковом и передней.

Мы вошли, устроились на диване и продолжили начатый разговор.

Плавский слушал терпеливо и внимательно, опершись локтями о стол и склонив голову на руки. Лишь по папиресе во рту, которая ежесекундно меняла положение и перескакивала из одного угла рта в другой, можно было догадаться, что внешнее спокойствие дается ему не без усилий.

Он долго молчал, как бы собираясь с мыслями, а потом сказал:

– Перед нашим разрывом я сказал Ларе, что совесть ее нечиста, что на ней, как и на солнце, есть какие-то пятна. Я попросил ее быть откровенной. Я клятвенно обещал ей помочь. Знаете, что она мне ответила? Она ответила: «Есть пятна, которые можно смыть только кровью». И больше на эту тему говорить не захотела.

– Чем же все-таки вызван был развод? – попытался уточнить Димыч.

– Я любил ее, – вздохнул Плавский. – Любил, как только может любить мужчина. Я полюбил ее сразу, с первого взгляда, и окончательно. На втором месяце знакомства мы поженились, она покинула дом родителей и переехала ко мне, сюда. Но счастливым человеком я был только первые восемь дней. Заметьте – восемь дней. На девятый день начальник главка предложил мне срочно вылететь, правда ненадолго, в Красноярский край. Я распрощался с Ларой, увидел первые слезы разлуки и поехал на аэродром. Это было, как сейчас помню, в полдень, в декабре. С этого момента события принимают, я бы сказал, банальный характер. Я не улетел. Не было погоды. Я проторчал в аэропорту до полуночи и поехал домой. Сами понимаете, что я не был опечален. В то время мне дорога была не только ночь, а каждая минута, проведенная с Ларой. Явился домой в начале второго. Время позднее для того, чтобы бодрствовать.

Плавский прервал рассказ, встал, прошелся по комнате – он явно волновался, вспоминая прошлое, – потом резко повернулся к нам и продолжал:

– У меня был ключ от этой двери. Я отпер ее, вошел и остановился. Моим глазам предстала такая картина: яркий верхний свет, на диване, на вашем месте, сидит мужчина, против него моя жена; на столе бутылки, закуска, в руках у них бокалы. Ну прямо как в бульварном романе. Я стою в темноте, меня не видно, а я их вижу через эту вот застекленную дверь. Не буду рассказывать о том, что творилось в моей душе. Скажу, однако, что я поступил по-джентльменски, хотя после проклинал себя тысячу раз за это джентльменство. Я включил свет и стал виден. Лариса оглянулась, вскочила и бросилась ко мне. Она обняла меня, начала очень сбивчиво что-то объяснять. Я стоял как истукан и из всего ею сказанного уловил только то, что

этот визит вызван служебной необходимостью, что иначе нельзя было поступить и что мы, то есть я и он, должны познакомиться. Это был очень коварный и жестокий сюрприз для начала семейной жизни. Гость между тем встал, прошел к окну и закурил.

Не чувствуя под собой ног, я прошел за руку с женой в комнату, и она представила меня гостю. Он назвал себя Андреем, хотя я в это не поверил. Он сразу вызвал во мне острейшую антипатию. Я готов был вцепиться ему в глотку и задушить. Наглая физиономия, самоуверенная улыбка и прозрачные, стеклянные глаза его и сейчас стоят передо мною...

Чтобы сразу внести ясность, я прервал Плавского и попросил поподробнее описать внешность гостя.

Плавский исполнил мою просьбу.

Ладони мои загорелись, будто я прикоснулся к чему-то горячему. Никаких сомнений быть не могло: речь шла об одном и том же человеке.

– И вы его больше не видели? – спросил я.

– Если бы! – усмехнулся Плавский. – В том-то и дело, что видел, и не раз.

– Так-так... – с трудом проговорил я. – Скажите, какие-нибудь особые приметы у него были?

Плавский задумался и спросил:

– Это как понимать? Видите ли, в чем дело... Если быть объективным, надо сказать, что этот тип был недурен собой. Даже красив. У него этакая мощная, гордой посадки голова, хороший, открытый лоб, довольно правильные черты лица, отличная фигура. Его портили глаза и эта самодовольная улыбка.

– Это не то, – возразил Дим-Димыч. – Под особыми приметами имеется в виду другое. Ну, допустим, заметный шрам или рубец на лице, вставные зубы. Или какой-нибудь дефект. Например, прядь седых волос, картавость, отсутствие пальца на руке, хромота, близорукость.

– О нет! – воскликнул Плавский. – У него все в порядке. Хотя позвольте: такая деталь, как родинка, может служить особой приметой?

Вот это нам и нужно было... Сердце мое запрыгало. Я взглянул на Дим-Димыча. Тот от волнения потирал ладони.

– Пожалуй! – внешне спокойно ответил я. – А у него была родинка?

– Представьте себе, была.

– Вы точно помните? – для большей ясности спросил Дим-Димыч.

– Ну конечно! Родинка сидела на щеке, а вот утверждать на какой – не берусь. Не помню. Родинка небольшая, но яркая, если можно так сказать.

– Так... Что же было дальше? – заторопил я Плавского.

Он зажег новую папиросу от докуренной, не глядя, бросил окурок и заговорил с прежним жаром:

– Вы, я думаю, согласитесь, что всегда верится в то, во что хочешь верить. Я верил в хорошее. Верил в Ларису. И я убедил самого себя, что так будет лучше. Я поверил поначалу, что ночной гость – сотрудник общества «Интурист», что их встреча носила деловой характер, что больше встречаться им нет никакой надобности, что его визит был вызван неожиданным приездом большой группы иностранцев, и прочее, и прочее. Я попытался зализать раны, нанесенные мужскому самолюбию, не ведая о том, что готовит мне будущее. А оно готовило мне новые сюрпризы.

Как-то раз, месяца три спустя, я по чистой случайности проходил мимо Новомосковской гостиницы. К этому времени я уже успокоился, смирился и даже начал сомневаться: уж не придумал ли я сам всю эту историю? И вдруг перед самым моим носом из подъезда гостиницы выбежала моя жена. Я едва поверил своим глазам. Зачем она очутилась здесь, в гостинице, к которой не имела никакого отношения, да еще около часа ночи? Я окликнул ее. Она сделала вид, что не услышала, а, быть может, и в самом деле не услышала. Она села в машину, стояв-

шую у подъезда, и скрылась. Этот случай поколебал мою веру. Я начал следить за женой. Я не хотел оставаться в дураках. Измышляя различные способы, пользуясь телефоном, меняя голос, я добился того, что в каждую данную минуту знал, где моя жена. Она продолжала встречаться с ночным гостем. Я видел их в лодке на Москве-реке, на пляже «Динамо», в метро «Красные ворота», возле академии Жуковского, на стадионе «Спартак». Продолжалось это не день, не неделю и не месяц. Все это меня бесило, раздражало, доводило до белого каления. Их встречи стали источником моих мучений. Я стал серьезно опасаться, что закончу буйным помешательством. В нашу жизнь ворвалось, вломилось что-то роковое, непреодолимое. Чуть не каждый день происходили объяснения, ссоры, сцены, от которых надолго расстраивался разум. Тогда я предложил Ларисе бросить службу в гостинице. Она отказалась. Ко мне пришла злая, непреклонная решимость немедленно пойти в правление «Интуриста» к секретарю парткома и попытаться выяснить, что там делает друг моей жены, что он собой представляет. Лариса поверила в мое намерение и запротестовала. В этот раз она плакала, умоляла меня, целовала мои руки и просила не губить ее. Это меня насторожило. «Не губить». Как это понимать?

Я стал еще более непреклонен и заявил, что отправляюсь сейчас же. И тут она призналась мне. Она сказала: «Прости, Костя! Я говорила тебе неправду. К “Интуристу” Андрей не имеет никакого отношения». Я окончательно рассвирепел. «Так кто же он в конце концов? Доколе же ты будешь морочить мне голову?» И вот тут под большим секретом Лариса сообщила мне, что этот Андрей работает в «большом доме на горке». Она так именно и сказала. «Фамилия его?» – потребовал я. Она назвала, но попросила тотчас же забыть. А фамилия немудреная.

– Минутку, – прервал рассказчика Дим-Димыч. – Что она имела в виду под «большим домом на горке»?

Плавский усмехнулся его наивности и объяснил.

Усмехнулся потом и я. Проработав столько лет в органах, мы не знали, что наше центральное учреждение на Лубянке зовут «домом на горке».

– Теперь дальше, – нетерпеливо подтолкнул я Плавского. – Почему вы?..

– Простите, – прервал он меня. – Я, наверное, угадал, что вы хотите спросить. Вы хотели спросить, почему я поверил ей и на этот раз?

– Совершенно верно.

– Я не поверил ей. Я сделал вид, что поверил. На другой день созвонился с другом моего отца, старым чекистом Плотниковым, и напросился к нему домой. Я рассказал ему все. Он пообещал выяснить. А через неделю ровно позвал к себе и сказал коротко и ясно: «Костя, тебя водят за нос. Андрей Кравцов – миф. Сделай вывод». И я сделал. Чаша моего терпения переполнилась. Я пришел домой и выложил перед женой все начистоту. Она, как ни странно, не стала спорить и заявила, что уйдет к отцу. Вот тогда-то и произошел у нас разговор о совести и пятнах на ней. Месяца два спустя я встретил ее отца. Оказалось, Лариса бросила работу в гостинице, уехала в Орел и поступила в ветбаклабораторию...

– После отъезда Ларисы Сергеевны вы никогда не встречали этого типа? – поинтересовался я.

– Встречал. И совсем недавно. И помню где. Я встретил его у Сретенских ворот.

– Когда, когда? – допытывался я.

Плавский начал усиленно массировать лоб.

– Это было... Это было... Дай бог памяти... Нет, числа я не вспомню... Но что в первой декаде февраля – могу поручиться...

«Хм... Совсем недавно и в то же время очень давно», – подумал я и спросил:

– Вы умеете, когда надо, молчать?

– Да... Я член партии.

– Этот Андрей Кравцов, или как там его, и есть убийца вашей бывшей жены. Да и не только ее.

– Так я вам могу помочь! Неужели я никогда его не встречу? Быть не может! – воскликнул Плавский.

– На это мы и рассчитываем, – признался я.

Ночь мы провели у Плавского. Не спали до четырех часов утра. Обо всем договорились и, перед тем как проститься, оставили ему свои адреса и номера телефонов. Мы возвращались домой. Плавский вылетал в командировку с геологической партией на Дальний Восток.

19 марта 1939 г.

(воскресенье)

Пока мы занимались своими делами, на международном горизонте собирались грозные тучи. Гитлер готовился к большой аванюре. Седьмого марта он напал на Албанию и оккупировал ее. Четыре дня назад он захватил и расчленил Чехословакию. Госпожа Европа явно терялась перед его наглостью.

Обо всем этом мы не могли не думать. И мы думали. Часто и много думали и в то же время делали свое дело. Я корпел над тем, что входило в круг моих обычных обязанностей.

Следствие по делу о загадочном убийстве Брусенцовой вошло в новый этап. Начался всесоюзный розыск преступника – крайне затяжная, крайне трудоемкая работа, требующая усилий множества людей в различных краях нашей обширной страны.

Органы государственной безопасности искали этого злополучного Иванова-Кравцова по куцым описаниям его внешности. Мы не знали точно ни его фамилии, ни его имени и отчества, ни рода занятий, ни места жительства.

Трудно было искать, но надо. Наши усилия походили на усилия человека, ищущего иголку в стоге сена, и тем не менее мы искали.

Нарядный желтый чемодан продолжал преспокойно лежать на полке камеры хранения ручной клади, и судьбой его никто не интересовался.

Нам оставалось терпеливо ждать. А время шло, бежало, принося радости, печали, неожиданности.

Полной неожиданностью было присвоение, вне всяких сроков, Безродному звания капитана.

Начальник секретариата управления поведал мне, что, когда он ознакомил Безродного с приказом о присвоении звания, тот обрадовался самым неприличным образом.

На людях он вел себя, конечно, иначе, делал вид, что факт этот вполне закономерный, соответствующий его заслугам.

Внеслужебные связи с людьми, стоящими ниже его по должности, Безродный решительно прервал. Он сторонился даже равных себе. Лишь Осадчий и заместители начальника управления интересовали его. Он по надобности и без надобности торчал у них в кабинетах.

Кочергин, например, тоже капитан и тоже начальник отдела, живет интересами всего коллектива. Он, как подметил Дим-Димыч, отлично понимает, что начальник силен своими подчиненными, а подчиненные, в свою очередь, сильны при умном и хорошем начальнике. Кочергин искренне радовался успеху каждого оперативного работника, печалился его неудачами. Если он прибегал к наказанию, то оно доставляло ему не меньше неприятностей, чем виновному. И наказания эти были неизбежны и справедливы. Они только возвышали Кочергина во мнении подчиненных. Новый человек в коллективе, он удивительно быстро смог создать себе авторитет и вызвать уважение окружающих.

А Безродный? Он по-прежнему упивался властью. В его кабинете часто слышались крик и брань. Брань служила приправой к речи Безродного, стала его привычкой. «Я не могу с вами работать! – орал он на подчиненных. – Я сниму с вас петлицу!.. Я испорчу вам биографию».

Знал ли об этом Осадчий? Думаю, что знал. А вот почему прощал, на этот вопрос я ответить не могу.

Сегодня по управлению прошел слух, что Безродный собирается в отпуск, на курорт, лечить отсутствующие у него недуги. В связи с этим я решил предпринять кое-какие шаги делового порядка.

Я пришел к Кочергину и сказал:

– Если вы помните, московская бригада предложила товарищу Безродному передать нам материал на Кошелькова.

– Отлично помню, товарищ лейтенант, – ответил Кочергин. Он пододвинул настольный календарь, перевернул листок и продолжал: – Прочтите! Это касается вас.

Я прочел: «*Т. Трапезникову. Принять от Безродного материалы на Кошелькова и др.*».

– Можно взять?

– Да. Безродный получил уже приказание майора Осадчего... Ознакомьтесь с материалами и доложите мне во вторник. Успеете?

– Постараюсь.

Я тотчас отправился выполнять поручение. Дело на Кошелькова оказалось тонким по объему, но довольно интересным по содержанию.

В тридцать четвертом году в нашем городе появился некто Кошельков. Он поступил работать экономистом на местный ликеро-водочный завод. Через некоторое время из управления Минской области прислали материалы, в которых указывалось, что в двадцать восьмом и двадцать девятом годах Кошельков имел несколько законспирированных встреч с активным германским разведчиком. Этот разведчик – назовем его «Икс» – в тридцать третьем году был арестован и осужден. На следствии он не назвал в числе сообщников Кошелькова, и тот избежал репрессии.

Полгода спустя после ареста Икса Кошелькова задержали в непосредственной близости от пограничной зоны. И на этот раз Кошелькову повезло. Он выставил какие-то убедительные доводы и вышел сухим из воды.

Вот, по сути, и все, что сообщалось в материалах из Белоруссии.

Летом тридцать шестого года в поле зрения наших органов попал Глухаревский. Прошлого его просвечивалось с большим трудом. По мобилизации он служил у белых, потом был взят в плен махновцами, после этого оказался в Красной Армии и, наконец, стал коммунистом. В двадцать третьем году его исключили из партии за сокрытие социального происхождения и уголовную судимость. Собственно, важны были не эти подробности. Глухаревский, как и Кошельков, в свое время встречался с немецким агентом Иксом. Такое совпадение наводило на размышления. Оба знали Икса, оба из Белоруссии, оба оказались в нашем городе. Случайно ли?

Глухаревский приехал в середине июля и устроился работать механиком в артель «Гарантия». В августе Кошельков и Глухаревский встретились возле загородного лесного пруда, где любители-рыболовы обычно таскали окуней.

Сотрудники отдела Безродного не придали особого значения этой встрече. А спустя почти год выяснилось, что у Кошелькова есть еще знакомый – массовик Дома культуры Витковский. Его видели с Кошельковым в тире Осоавиахима, в платной поликлинике, на спектакле «Без вины виноватые». Глухаревский в этих встречах не участвовал. Все трое имели много знакомых, и определить, кто из этих знакомых заслуживает нашего внимания, было чрезвычайно трудно.

За последнее время ничего нового в дело внесено не было, и оно лежало, ожидая своей участи. И вот передо мной встала задача – как решить его судьбу...

21 марта 1939 г.
(вторник)

Сегодня утром, точнее в полдень, в буфете за одним столиком завтракали Фомичев, Дим-Димыч и я. Завтракали и болтали.

В буфет неожиданно вошел капитан Безродный. С той поры как стал начальником отдела, он обычно требовал завтрак и ужин в кабинет, а тут – пришел.

Все поняли, что пришел он лишь ради того, чтобы показать новенькую форму и знаки различия капитана.

– Привет! – бросил он всем сразу и на ходу обвел взглядом комнату. Единственное свободное место было за нашим столиком. Безродный занял его и громко сказал буфетчице: – Как всегда!

Это означало: стакан сметаны, два яйца всмятку и чай.

– Идут слухи, – заговорил я, – что вы решили отдохнуть?

– Пора! – снисходительно ответил Безродный.

Я искоса взглянул на Дим-Димыча. В его глазах прыгали чертики. Он нарочито медленно отхлебывал чай и энергично дул в стакан.

Буфетчица подала Геннадию еду.

На тумбочке в углу задребезжал телефон. Кто-то из ребят снял трубку и ответил:

– Да... буфет... Здесь! Хорошо. – И, положив трубку, сказал: – Капитана Безродного к майору Осадчему.

Геннадий шевельнул бровями, встал и, ни слова не говоря, вышел.

– Жаль! – произнес Дим-Димыч. – Я только хотел подбросить ему вопросик для поднятия настроения.

– Ох и штука ты! – крутнул головой Фомичев. – Какой же вопросик?

Дим-Димыч охотно ответил:

– Я хотел спросить у Безродного, почему его мать, приехавшая в город, остановилась не у него, а у брошенной им жены.

– В самом деле? – удивился Фомичев.

Я и Дим-Димыч подтвердили. Это была правда.

– А в чем же дело? – попытывался Фомичев.

Я объяснил. Мать Безродного, узнав о разводе сына с женой, решила приехать и попросила сына выслать денег на дорогу. Безродный отвечал, что сейчас у него с деньгами затруднения и что выслать он не может. Мать обратилась к невестке. Оксана заняла деньги у меня, у Дим-Димыча, добавила к ним немного своих и сделала перевод. Старуха приехала прямо к Оксане, а когда узнала подробности развода, сказала: «Будем считать, что ты потеряла мужа, а я сына. Я останусь с тобой и с внучкой».

– Затруднения! – зло бросил Дим-Димыч. – Получает в два раза больше прежнего, алименты не платит и – затруднения!

Явно заинтересованный, Фомичев спросил:

– Как вы все узнали?

Ответил Дим-Димыч:

– Видели его мать. Тихое, хрупкое создание со скорбным лицом и отрешенным от мира взглядом. Непостижимо, как такая кроткая лань могла породить шакала?

Разговор прервался: вернулся Безродный. И тут же меня вызвали к Кочергину.

Обычно вызов к начальнику отдела бывает неприятен. Неприятен прежде всего своей «таинственностью». Подчиненный не знает, зачем он понадобился, и, чувствуя за собой определенные промахи (а у кого их нет?), волнуется, заранее ожидает выговор или головомойку. Перед дверью кабинета он спрашивает у секретаря: «Как начальник сегодня? С какой ноги встал?» Именно так ведут себя подчиненные Безродного и некоторых других. Так вел себя раньше и я. Но с тех пор как стал работать под началом Курникова, а потом Кочергина, все изменилось.

Курников и Кочергин были, по меткому выражению Дим-Димыча, «чекистами особого склада». Они не переносили свои настроения на отношения с оперативными работниками. Их невозможно было «взвинтить», как Безродного, одной неудачной фразой, заставить кричать и стучать кулаком по столу. Они умели уважать людей, ценить в них главное – их человеческое достоинство. Поэтому даже в те дни, когда меня постигала в работе неудача, я шел на вызов начальника спокойно.

В кабинете, кроме Кочергина, никого не оказалось.

Ответив на мое приветствие, он глотнул какую-то таблетку, запил ее минеральной водой, предложил мне сесть и спокойно потребовал:

– Докладывайте о Кошелькове.

Возвращаясь от Кочергина, я услышал, как захлебывается телефон. Меня охватила тревога. Быстро щелкнув ключом, я вбежал и схватил трубку. Но тут же успокоился: говорила Оксана. Она просила меня зайти к ней в обеденный перерыв. Ей нужно было посоветоваться по личному, но очень важному делу. Какому делу? По телефону она объяснить не хотела.

Тон Оксаны да и сама просьба удивили меня. Что могло произойти важное, требующее срочного решения? Уж не вздумала ли Оксана выйти вторично замуж? Но почему понадобился в таком случае мой совет?

В обеденный перерыв я забежал на несколько минут домой, поел на скорую руку и отправился к Оксане. У нее, к моему удивлению, оказались Дим-Димыч и Варя Кожевникова. Действительно, намечалось что-то серьезное.

Я поздоровался, разделся, сел и всем своим видом показал, что готов слушать.

Оксана приступила к делу без особых предисловий.

– Сегодня я узнала, что арестован мой отец... – сказала она.

Мы трое уставились на нее. Я ощутил, как по спине моей пробежал мелкий, очень неприятный холодок.

Первым заговорил Дим-Димыч.

– Как ты узнала?

Ей сообщила, оказывается, свекровь. По приезде она смолчала, а вот сегодня не выдержала, открыла тайну.

– Где он работал? – заинтересовался я.

Отец Оксаны, старый коммунист, комиссар полка в Гражданскую войну, до ареста работал начальником политотдела одной из железных дорог на Украине. Что он мог совершить – ни ей, ни свекрови, ни тетке Оксаны, у которой жил отец, неизвестно.

– Я знаю одно: на подлость отец не способен, – закончила она свой рассказ.

Я подумал: «Не слишком ли спокойно восприняла Оксана эту страшную весть? Ведь речь идет об отце, о самом близком, родном человеке! Как бы повел себя я, случись такая беда? Трудно сказать... Во всяком случае, я не смог бы держаться так спокойно... И почему Оксана решила сказать об этом именно нам? Она говорила по телефону, что хочет посоветоваться...»

Я перевел взгляд на Варю. Та сидела, положив руки на колени, и увлажненными глазами смотрела в одну точку. Глаза ее сейчас косили. На ум пришел разговор с Дим-Димычем. Я как-то сказал ему, что между Оксаной и Варей много сходства. Он возразил: «Все равно что луна и солнце. Первая только светит, а вторая и светит, и греет». Дим-Димыч, кажется, прав. С ним это часто случается. Он лучше разбирается в людях.

В это время Оксана, стоявшая у окна, резко повернулась. Вся она дрожала, и крупные зерна слез сыпались из ее глаз. Впервые я увидел ее такой, и мне стало не по себе от моих недавних подозрений. Опершись обеими руками о подоконник, она все тем же спокойным и ровным голосом заговорила:

– Вы помогли мне устроиться на работу... С вами я хочу и посоветоваться. Как мне поступить? Должна ли я сказать об этом начальнику госпиталя?

«Вот это характер! Вот это выдержка!» – подумал я и поспешно сказал:

– Глупо! Тебя никто за язык не тянет...

– Правильно! – решительно поддержала меня Варя Кожевникова. – Ты могла и не знать ничего... Отец – отцом, а дочь – дочерью... Ты самостоятельный человек...

Дим-Димыч резанул рукой воздух и, сжав кулак, ударил им по своему колену.

– А как ты думаешь? – спросил он Оксану.

– Мне думается, что я обязана сказать...

– Правильно! – одобрил Дим-Димыч и, встав с места, заходил по комнате. – Только так и не иначе...

– Что значит «так и не иначе?» – запальчиво возразила Варя. – Ты хочешь, чтобы ее уволили с работы? Это устраивает тебя?

Я не слышал, чтобы Варя разговаривала в таком тоне с Дим-Димычем. Но еще больше меня удивил взгляд, которым одарил Дим-Димыч «восьмое чудо света». Его глаза как бы говорили: «Какая же ты глупая!» Но сказал он не так.

– Я хочу, чтобы Оксана жила честно.

Варя молчала, хотя и не была согласна с Дим-Димычем. Она покусывала губы и, прищурившись, смотрела в сторону. Ноздри ее подрагивали.

– Ладно... Хватит... – проговорила Оксана. – Недоставало, чтобы вы из-за еще меня перессорились... Завтра утром я подам рапорт начальнику госпиталя.

– Пожалуй, так лучше, – одобрил я с некоторым опозданием.

– Хуже или лучше, покажет время, – произнес Дим-Димыч. – Но иначе поступить нельзя. В конце концов, свет клином не сошелся на этом госпитале. И не унывай!.. Пошли, товарищи...

Прощаясь с нами, Оксана постаралась улыбнуться. Ей это удалось с трудом.

На улице Дим-Димыч взял меня и Варю под руки.

– А ты не дуйся! – сказал он своему «чуду». – Толкнуть человека на неверный путь – пара пустяков... А ей потом расхлебывать придется. Сегодня она промолчит, – значит, обманет раз. Потом ее спросят: «А разве вы не знали об аресте?» Что же ей, по-твоему, обманывать во второй раз и отвечать, что не знала?

– С тобой трудно спорить, – ответила Варя. – Ты ортодокс...

– При чем тут ортодокс? – поинтересовался Дим-Димыч.

– При всем... – Варя похлопала его по руке и с улыбкой добавила: – Довольно! Это мне урок: прежде чем советовать – подумать!..

– Вот за это я и люблю тебя, Варька! – сказал Дим-Димыч и попытался обнять свою подругу.

Она ловко вывернулась. Дим-Димыч посмотрел на нее как-то странно, потом на меня, хлопнул себя по лбу и бросился обратно к дому Оксаны.

– В чем дело? – удивился я.

– Наверное, портсигар забыл, – высказала догадку Варя.

Минут через десять Дим-Димыч догнал нас.

– Что стряслось, друже? – спросил я с нескрываемым интересом.

– Сейчас... сейчас... – проговорил он и опять взял нас под руки. – Знаете, зачем я вернулся?

Мы молчали.

– Узнать, когда арестовали отца Оксаны!

– А какое это имеет значение? – продолжал удивляться я.

– Сейчас узнаешь. Его арестовали седьмого января.

– Допустим.

– А ровно через пять суток Геннадий оставил Оксану.

Я остановился.

– Ты хочешь сказать?..

– Да-да... Я хочу сказать, что, разыгрывая всю эту комедию, Геннадий был кем-то временно предупрежден.

– Неужели у него мозгов нет?

– Это вопрос, – проговорил Дим-Димыч. – Однако на сей раз стратегия может обойтись ему очень дорого...

– Да... – не без смущения согласился я. – Дело некрасивое....

26 марта 1939 г.

(воскресенье)

Варя Кожевникова оказалась права: Оксану уволили с работы. Двадцать второго марта утром она подала рапорт начальнику госпиталя об аресте отца, а спустя три часа вышел приказ об ее увольнении.

Трудно было вколотить в башку начальнику госпиталя простую человеческую истину, что дети не обязаны расплачиваться за грехи родителей. Он был глубоко уверен, что, лишая работы дочь репрессированного, делает полезное дело. Ему наплевать на чужую судьбу.

Вновь начались хлопоты, звонки, не особенно приятные разговоры, уговоры и поиски. Я и Дим-Димыч во всей этой истории, с позиции стороннего наблюдателя, выглядели довольно странно. Кое-кто из руководителей учреждений, к которым мы обращались, думал примерно так: «Непонятно! Работники органов государственной безопасности пекутся о трудоустройстве человека, отец которого репрессирован этими же органами!»

Но ни меня, ни Дим-Димыча эта сторона вопроса ни в какой мере не волновала. Оба мы были глубоко убеждены, что поступаем правильно, что наши действия не порочат нас как коммунистов.

К сожалению, наши хлопоты не увенчались успехом. Уж больно много оказалось в нашем городе работников сродни начальнику госпиталя.

Не успела Оксана оправиться от одного несчастья, как на нее свалилось другое. В среду она позвонила мне и сообщила, что у дочери высокая температура, девочка бредит с самой ночи.

– Доктора приглашала? – спросил я.

Нет, доктора она не приглашала.

– Жди дома, – предупредил я ее. – Привезу врача.

Рабочий день только начался, меня ежеминутно мог вызвать начальник отдела или его заместитель, и отлучиться без разрешения было неудобно. Я позвонил Кочергину и попросил принять по личному делу. Обманывать его я не собирался и сказал, куда и зачем мне нужно поехать. Он не задал ни одного вопроса, вызвал гараж и потребовал к подъезду свою «эмку».

– Поезжайте на машине, – сказал он.

– Спасибо, товарищ капитан, – ответил я взволнованно. Откровенно говоря, поступок Кочергина меня тронул.

Детский врач, за которым я отправился, работал в железнодорожной клинике, и мне предстояло пересечь почти весь город. Несмотря на торопливость и озабоченность, я по профессиональной привычке поглядывал через смотровое стекло на тротуары и фиксировал лица прохожих. Они мелькали, как на киноленте. Вдруг одно насторожило меня. Я всмотрелся и узнал доктора Хоботова. Он шел своей твердой походкой, большой и грузный, и ни на кого не обращал внимания. Я остановил машину и окликнул его. Зачем я это сделал, не знаю. Просто приятно было встретить человека, который оставил в душе хорошее воспоминание. О возможной помощи с его стороны даже не подумал. И вот совершенно неожиданно эта помощь пришла.

Узнав о цели моей поездки, он вызвался сам посмотреть ребенка. Поглядел на часы, взвесил ему одному известные возможности и сказал:

– Везите меня к ней... С живыми я тоже умею обращаться... Когда-то умел...

Вот так я ввел в дом Оксаны Хоботова.

Это было в среду.

В четверг я у знал, что у дочери Оксаны температура снизилась до нормы.

В пятницу она сообщила по телефону:

– С Натуськой все в порядке... А я звоню с работы... Да-да... Я теперь секретарь суда Центрального района... Хоботов чудный человек. Расцелуйте его за меня. Это он помог мне устроиться. И судья здесь такой же чудный, как Хоботов...

Я почувствовал, что душа Оксаны вновь обрела мужество.

В этот же день она позвонила еще раз и пригласила на воскресенье на обед вместе с женой. Будут блины.

Ага, блины! И я спросил Оксану:

– Дим-Димыча зовешь?

– Да-да. Будут он и Варя...

О Дим-Димыче я спросил потому, что блины были его страстью. Он предпочитал их любому другому блюду. Но знала ли Оксана об этой слабости Дим-Димыча? Или тут случайное совпадение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.